

АУРИКА РЕЙН

ТЫКВЕННЫЙ
ПОЦЕЛУИ,
ИЛИ
ПОПАДАНКА
В ИЗГНАНИИ

Аурика Рейн

Тыквенный поцелуй, или Попаданка в изгнании

<https://litres.ru/74616587>

SelfPub; 2026

Аннотация

Я заснула над любимой книгой, а проснулась в темнице – в теле злодейки, которую на рассвете должны казнить. Мне удалось бежать, и теперь я скрываюсь среди простых людей в заброшенном доме у дороги. Что ж, значит, самое время исполнить давнюю мечту и открыть уютный трактир для путников.

Вот только под одной крышей со мной живёт загадочный мужчина с секретами, о которых лучше не спрашивать. А каждый новый гость приносит с собой кусочек правды, совсем не похожей на то, что было написано в книге. Ведь раскрывать сердца – моя новая сила.

Судьбы вершит не меч, а ложка тыквенного супа.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	23
Глава 3	42
Глава 4	74
Глава 5	100
Глава 6	125
Конец ознакомительного фрагмента.	126

Аурика Рейн

Тыквенный поцелуй, или Попаданка в изгнании

Глава 1

— Мириэль нор'Фавинелл, – раздался чей-то властный, требовательный голос, и я с трудом открыла глаза. Всё тело болело, мне было холодно и мокро, даже пальцы на ногах занемели...

Пальцы? На ногах?

Я приподнялась на локтях и попыталась сфокусировать взгляд на своих ногах. Мне не показалось: я действительно их чувствовала! За два года с момента аварии всё, что у меня оставалось – это фантомные боли, но сейчас, немного пошевелившись, я определённо ощутила неприятное поскрёбывание крошечных камешков, на которых лежала. Бывало, что порой я просыпалась от чувства жжения и покалывания в ногах, но это было лишь игрой воображения и повреждённых нервов. Сейчас же я могла подтянуть к себе ноги – и покалывание усилилось, отзываясь на прилив крови.

— Мириэль нор'Фавинелл! – голос надо мной прозвучал громче и требовательнее, заставив меня вздрогнуть и обер-

нуться.

За решёткой из толстых прутьев стоял высокий мужчина в странной одежде: на нём была шерстяная туника поверх простого кольчужного жилета. На плечах с помощью пряжек был закреплён плащ, капюшон которого частично скрывал в тени его лицо. Но в свете подрагивающего огня факела в его руке было видно, что он – простой усталый человек с густой щетиной и внимательными глазами.

Я моргнула и опустила взгляд. На поясе у него висел меч в длинных ножнах, а сапоги, простые, но аккуратно скроенные, были заляпаны грязью, словно на улице только прошёл дождь.

— К тебе гости, – сказал он строго, но бесцветно, после чего отступил на шаг назад.

Я села, всё ещё с трудом веря в то, что ноги меня слушаются. Всё это можно было бы принять за сон, но мне хорошо было известно, как ощущаются сны. Даже в коме они совсем другие. И главное отличие – во сне я не могу думать, разговаривать с собой и принимать осознанные решения. Там я скорее зритель, находящийся в виртуальной реальности, но incapable повлиять на ход событий. А здесь и сейчас мне подчинялось не только тело, но и мысли. И потому я потрясённо шевелила кончиками оголённых пальцев на ногах, наслаждаясь даже болезненным покалыванием, которое никак не хотело уходить. И плевать было на стражника, на клетку, в которой я находилась, на холод и сырость.

Ноги меня слушались! Разве может быть что-то лучше этого?!

— Мириэль, – снова прозвучал мужской голос, но на этот раз другой. Он был более мягким, мелодичным и вкрадчивым, таким, что мурашки бежали по коже.

Я замерла, вдруг вспомнив, где слышала раньше это имя. Мириэль нор’Фавинелл – так звали одну девушку в книге, которую я читала накануне перед сном. Как раз почти дошла до финала, но уснула, не дочитав всего пары страниц. И закончила как раз на том, как эту Мириэль... мамочки! Приговорили к смертной казни!

— Ты не удостоишь меня даже взглядом? – шаги за спиной стихли, а голос замер совсем близко. Я медленно развернулась и начала неуверенно подниматься на ноги. Вопреки моим опасениям, они выдержали меня – и даже не дрожали, несмотря на иголки, что продолжали нещадно колоть затёкшие мышцы.

Стражника рядом уже не было. Вместо него факел у решётки держал другой мужчина – я бы даже сказала, парень, чуть старше двадцати, – с очень красивым лицом. Острые скулы, широкий подбородок, чуть впалые щёки, покрытые лёгкой, едва заметной щетиной. Выразительный лоб обладал такой явственной формой, словно был вылеплен из глины, и брови только подчеркивали правильность каждой линии. Единственный штрих нарушал эту идеальность: одна из бровей была дважды пересечена короткими поперечными шра-

мами.

Это был принц Кассиан Рафаэль нор'Каэлларис. Без пяти минут король: в последней главе он как раз должен был принять корону, доставшуюся ему после смерти отца и старшего брата.

— Что вы здесь делаете? – хрипло спросила я. В горле саднило. Должно быть, Мириэль простыла за то время, что провела в холодном сыром подвале.

— Хотел убедиться, что всё в порядке. И пожелать тебе доброго пути на тот свет.

Я подошла к решётке и взялась за прутья, глядя прямо в глаза принца. Его брови изогнулись, словно он сам страдал от того, что был вынужден приговорить меня. Хотя в этом был смысл. Мириэль соблазнила его, используя какой-то особый приворот, а потом отравила, и если бы не его истинная – Лилит...

— Смертная казнь – не слишком ли жестокое наказание? – тихо проговорила я, отчаянно пытаюсь вспомнить хоть что-то, что помогло бы мне изменить ход событий.

Принц покачал головой.

Он был воплощением аристократии: высокий, широкоплечий, с выверенной до мелочей осанкой и жестами. Но на нём была не парадная одежда, а простая тёмная рубаша под длинным плащом с гербом королевского дома. Ему не нужно было золото, чтобы внушать благоговейные чувства в своих подданных. Один его взгляд и голос заставлял всех прекло-

нять колено.

— Знаю, вы с Лилит были близки, и она хотела бы, чтобы я пощадил тебя... но твой поступок... — он снова покачал головой, опустив взгляд к полу.

— Я стану лучше, — прошептала я, всё больше осознавая реальность и неизбежность происходящего. Вернуть себе ноги ради того, чтобы так сразу погибнуть... с этим невозможно было смириться. — Я могу драить полы, я... я могу продать свою свободу. Я готова на всё!

Наши глаза встретились. Принц Кассиан поднял руку и со странной нежностью провёл пальцами по моей щеке. Неужели... неужели между ними что-то было? В книге упоминалась попытка соблазнения, но она не должна была увенчаться успехом! Тем более, что она использовала приворот — принц не мог относиться к ней с таким трепетом.

— Прости, Мириэль, — голос принца стал мягким и полным горечи. — Но я должен сделать это. Ты слишком много знаешь. Ты слишком опасна.

Я растерянно покачала головой, пытаюсь показать, что не понимаю, о чём речь. Сердце билось в висках, а в груди стало тесно.

Принц приблизился к решётке, и между нами осталось такое маленькое расстояние, что я почти чувствовала его дыхание, а ноздри невольно вострепли, улавливая лёгкий цветочный аромат.

— Той ночью я сказал тебе слишком много, Мириэль, —

прошептал принц Кассиан, глядя мне прямо в глаза. — А ты слушала слишком внимательно. Не пойми меня неправильно, я был рад поделиться хоть с кем-то, но...

— Но... я... — одними губами прошептала я.

— Ты была предана короне, — продолжил он тихо и ласково. — И я верю, что мы встретимся вновь... за гранью этого мира. В добрый путь, Мириэль.

Он отступил в темноту, оставив меня дрожать у решётки, а я вдруг осознала: в книге было написано далеко не всё. Но уже слишком поздно пытаться выяснить правду.

Я сползла на каменный пол, прижимая ладони к лицу. Колени дрожали, тело ломило от холода, но это было ничто по сравнению с тем, что творилось внутри.

Меня действительно должны были вот-вот казнить.

На рассвете. Да, точно, казнь назначили на раннее утро — с восходом солнца. Сквозь маленькое окошко под самым потолком виднелось небо. Оно всё ещё было усыпано звёздами, но уже начало светлеть, и до первых лучей оставалось всего ничего: может, час или два.

И самое ужасное: может, настоящая Мириэль и заслуживала такого конца, но я — не она! И не представляла совершенно никакой опасности! Но разве можно было это как-то доказать? У меня не оставалось даже времени на то, чтобы попытаться кому-то что-то объяснить или найти иной способ избежать смерти.

Два года назад я уже ускользнула из её цепких холодных

лап, когда пришла в себя после аварии. К сожалению, позвоночник был сломан в нескольких местах, и мне пришлось заново учиться жить. Множество болезненных реабилитаций привели меня к жизни в инвалидной коляске. Не бог весть что, конечно. Но это научило меня ценить жизнь – любую.

Я снова поднялась на ноги и, схватившись за прутья решётки, начала кричать, вызывая к страже и требуя, чтобы меня сейчас же провели к судье или прокурору – или хоть к кому-то, кто влияет на приговор. И хотя я знала, что где-то рядом должна быть стража, никто не реагировал. И только горло моё село окончательно, и я закончила хрипом, смешанным со слезами отчаяния.

И тут скрипнул замок.

Из полумрака медленно появилась она: высокая, стройная, с тонкими чертами и бледной кожей, с большими голубыми глазами, от которых невозможно было отвести взгляд. Светлые соломенные волосы были заплетены в свободную, небрежную косу. Та, которая была рождена для того, чтобы сопровождать короля. Та, ради которой принц Кассиан был готов пожертвовать всем – даже собственной жизнью.

— Хвала Люцерне, ты жива, – выдохнула она и, быстро сократив оставшееся между нами расстояние, вставила факел в держатель.

— Лилит, – только и смогла проговорить я, совершенно не готовая к такой встрече.

Насколько я могла помнить, признание Мириэль в соде-

янным нанесло огромную боль Лилит, и она ушла, не желая больше видеть бывшую подругу. Я на её месте тоже хотела бы отстраниться. Самое тяжёлое предательство – со стороны того, кому верил сильнее всех.

Невеста принца достала из-под плаща тяжёлую связку ключей и, выбрав один из них, вставила в замок, после чего воровато огляделась и замерла, задумавшись о чём-то.

— Я не верю, что ты могла так поступить, – быстро прошептала она. Её брови были изогнуты в непритворной тревоге. – Нет, только не ты.

— Я почти ничего не помню, – ответила я в том же тоне, чувствуя, как в горле встал ком. – Всё, как в тумане.

Это была почти правда. Историю Мириэль я помнила только урывками, потому что больше сосредотачивалась на Лилит, которая в это время переживала много противоречивых чувств, и на любовной истории между ней и принцем Кассианом. К тому же, интуиция мне подсказывала, что далеко не всё было упомянуто на строчках прочитанной мной книги. Что-то выпадало из поля моего зрения – и явно что-то очень важное.

— Так и знала, что это происки шаманов кочевников! Они наслали на тебя эти сны и заставили содейть ужасное против воли.

— Не знаю, что меня заставило, – я сглотнула. – Но, клянусь, я бы никогда не причинила тебе зла!

— Знаю, – отчаянно воскликнула Лилит и закусила пух-

люю нижнюю губку. — Когда меня приставили ко двору, меня ненавидели все, и только ты встала на мою сторону. Только ты была рядом! Если бы не ты, Мириэль, я бы не смогла пережить всего этого.

Наконец, Лилит провернула ключ и, снова глянув в сторону тёмного коридора, распахнула дверь моей темницы.

— Что мне делать, Лилит? — спросила я, когда она взяла меня за руки. — Принц уверен в моей виновности.

— Он вынужден поступать, как король, — глаза Лилит подёрнулись влагой, а голос её дрогнул. — И порой приходится выбирать меньшее зло. Если он спустит проступок сейчас, сколько настоящих злодеев решит, что имеют право на худшее?

Я едва верила своим ушам. Это говорит Лилит? Что она, что Кассиан — оба казались лучиком света среди прогнившей аристократии, теми последними, кто ещё верил в справедливость.

— Но я не хотела...

— Поэтому тебе надо бежать, — быстро зашептала Лилит, крепче сжав мои ладони. — Твою казнь перенесли, за тобой вот-вот придут. Я выведу тебя отсюда. Мой человек уже ждёт тебя с телегой, в которой ты будешь надёжно спрятана, и вывезет прочь из столицы. Беги так далеко, как только сможешь, и скройся в самой глухой деревне. Смени имя, внешность — всё, чтобы тебя не узнали! И приходи ко мне спустя три года. Всё забудется, и тогда ты сможешь начать новую

жизнь.

— Но...

— Скорее, у нас мало времени!

Выпустив одну руку, за другую она потянула меня по тёмным коридорам. Перед собой она держала дрожащий факел, и тени вокруг казались призраками, готовыми накинуться на нас в любой момент.

Я бежала за ней следом по холодному сырому полу из гладких камней и едва осознавала суть происходящего. Лучшая подруга предлагала мне три года жить впроголодь в какой-нибудь глухой деревне вместо того, чтобы заступиться за меня перед собственным женихом. Почему-то эта мысль больно сжала моё сердце. И хотя я не была Мириэль, но всё равно могла разделить её чувства. Или, скорее, эти чувства глухо отзывались где-то глубоко в моей груди.

Не встретив ни души, мы выскользнули из последних дверей замка, и перед нами открылся вид на узкое длинное крыльцо и внутренний двор, утопающий в предрассветной тишине. Холодный воздух хлестнул по лицу и проник под сырое платье, пахнув сыростью и мокрой землёй. В памяти что-то промелькнуло про сезон дождей, когда вдалеке слышался протяжный раскат грома. Небо над замком постепенно заволакивало тяжёлыми тучами.

Каменная лестница вела к служебному двору. Там царила странная, настороженная тишина, будто даже звери и птицы замерли, ожидая чего-то. И только шорох мокрых листьев

да удары падающих с крыш и деревьев капель нарушали эту тишину.

Лилит шла быстро и уверенно, но то и дело оглядывалась и осторожно обходила посты, занятые стражами. Но они были слишком заняты: кто за разговорами, а кто дремал, прислонившись к стене.

Мы миновали сторожевые башни, сливаясь с ночной мглой. Из-за надвигавшихся туч становилось всё темнее, и это было нам на руку, хотя моё сердце, казалось, билось так громко, что его должен был слышать весь двор.

Наконец, мы миновали небольшую калитку, запертую на тяжёлый навесной замок, и вышли в город. Дома из тёмного камня тянулись тесными рядами, и узкие улочки тонули в полумраке. Здесь пахло дымом печей, влажной древесиной и мокрыми листьями. Где-то вдалеке переливчато вскрикнула птица, и ей ответил лай пса с одного из дворов. А потом всё снова стихло. И только редкие огни фонарей освещали город сквозь плотный туман, что сгустился над мостовой.

— Мы почти на месте, — прошептала Лилит.

В узком переулке у покосившегося склада стояла старая повозка, запряжённая двумя крупными тёмными лошадьми. Их шкуры блестели гладко вычесанной шерстью, а из ноздрей вырывался пар. Они фыркали и нетерпеливо перебирали ногами. Повозка выглядела неприметно: грубая, неухоженная, покрытая сенью и брезентом, под которым виднелись охапки сена.

Возле неё стоял мужчина в широком плаще, низко надвинувший капюшон. Он обернулся, и свет факела выхватил грубоватые черты.

— Арден, – тихо сказала Лилит. – Ты вовремя.

— Как всегда, миледи, – голос его был хриплым, но спокойным.

Я вспомнила: этот персонаж мелькал в книге. Арден был охотником, который стал верным телохранителем Лилит после того, как она спасла его от позора.

— Всё готово? – спросила она.

— Двойное дно, сено сверху. Никто не заметит, даже если будут вилами протыкать, – коротко ответил Арден, а потом с натугой поднял второе дно повозки, открыв нашему взору узкую нишу внутри.

Лилит сняла с себя плащ, накинула его мне на плечи и закрепила брошкой в форме виноградного листа.

— Ложись. Тебе придётся потерпеть тряску и холод, но это твой единственный шанс.

Посмотрев на мои ноги, грязные и мокрые, она сняла мягкие туфли и тоже отдала их мне.

Я взглянула на неё, и в этот момент впервые почувствовала, что она действительно боится за меня. Но не знает другого способа помочь.

— Лилит... – начала я, но не успела договорить.

— Потом, Мириэль, – перебила она, мягко, но твёрдо. – Сейчас главное – выжить. И помни: я буду ждать тебя здесь,

на этом же месте, в это же время ровно через три года.

Её лицо исказилось, будто она сдерживала слёзы, а потом порывисто обняла меня и отступила.

Я забралась в повозку и свернулась клубочком на тонком слое сена. Оно было сухим только сверху, а внизу влажным и пахло прелой травой, но мне было почти всё равно. Бывший охотник опустил второе дно, скрыв меня в кромешной мгле.

— Береги её, Арден, – слышала я её голос снаружи.

— Можете не сомневаться, миледи.

Колёса скрипнули, лошади фыркнули, и повозка тронулась. Сквозь щели в досках я видела, как мимо пробежали дома и заборы. А потом начали появляться люди, которые неторопливо разбредались по своим делам.

Рассвет был близко.

Я едва ли могла спать, лёжа под дном телеги, словно под гробовой доской. Хорошо хоть свет проникал внутрь, и я могла немножко видеть, что происходило снаружи. Очень скоро пошёл дождь, и в этот момент я была даже рада находиться внутри. По крайней мере, там было сухо и довольно тепло. Я надела туфли, которые оказались впору, завернулась в плащ Лилит и попыталась уснуть – но тщетно.

Телегу трясло, в горле всё саднило, а в голове без конца крутились мысли о том, что именно должно было произойти с Мириэль. Глупо, конечно, было верить в реальность всего происходящего – но что ещё мне оставалось? Только принять то, что есть, и искать способы прожить лучшую жизнь.

Хотя вариантов как будто не было. Кто я здесь, какие вообще есть возможности в этом месте? Здесь ведь даже нет телевизоров, не говоря уже про интернет!

Эти мысли могли бы вогнать в уныние – но только не меня. Ведь теперь я могла ходить, бегать, делать что угодно! Последние месяцы, после того, как завершилась основная часть реабилитации, я мечтала открыть своё маленькое кафе: рисовала дизайн интерьера, придумывала меню. Вот только что я могла, когда все сбережения, оставшиеся в наследство от бабушки, ушли на лечение и восстановление, а сама я вряд ли смогла бы работать на кухне – и даже работать официантом.

Дело уже шло к вечеру, когда телега остановилась, и Арден поднял второе дно, открыв мне затянутое тучами небо. Вдали прогрехотал гром.

— Дальше дороги нет, – сказал он сухо. – Сезон дождей, размыло. Тебе придётся выйти здесь.

Я осторожно поднялась и села, свесив ноги с края телеги. Над головой клубились тяжелые тучи, и первые капли дождя уже падали на лицо, холодные, как ледяные иглы. Лошади нетерпеливо переступали, фыркая, и Арден, хмуро сдвинув брови, поправил поводья.

Дорогу действительно размыло: она представляла собой массу, похожую на густой пудинг, в которой вязли не только колёса, но копыта лошадей и ноги охотника. Когда он сделал шаг, грязь под ним издала неприятный чавкающий звук. По-

смотрев на туфли, которые отдала мне Лилит, я сняла их и, прижав к груди, босиком спустилась на землю.

— Где я могу заночевать? – тихо спросила я. Подумав, Арден протянул мне мешочек, в котором тихо звякнули монеты.

— Это всё, что у меня есть. Чужаков здесь не любят, но может кто-то пустит переночевать за несколько эстолов.

Я сердечно поблагодарила его и, немного растерянно осмотрев себя, пристроила мешочек в кармане просторной юбки.

— Пройдёшь по дороге до мельницы, увидишь деревню. Она последняя на несколько миль вокруг, в ней найдёшь ночлег. А утром отправляйся дальше. Может, к концу цикла доберёшься до Баргейна.

Я шагнула в грязь, мокрая земля засасывала ноги, дождь, который только накрапывал последние часы, теперь усиливался, превращая дорогу в вязкую кашу. Арден еще раз взглянул на меня из-под капюшона.

— Запомни, Мириэль, – сказал он. – Никому не доверяй слишком быстро. А лучше – вообще никому не доверяй. Чует моё сердце, грядут тёмные времена.

Тёмные времена? Разве не наоборот должно быть? Сказка закончилась, злодеев победили, остаётся только “жили долго и счастливо”...

Не говоря больше ни слова, Арден опустил верхнее дно телеги, но садиться в неё не стал. Взял поводья в руки и повёл

лошадей в обратном направлении. Медленно он отдалялся, а я не находила в себе сил отправиться в указанном им направлении. Совершенно одна в чужом мире, под дождём, в ожидании надвигающейся ночи.

— Вот уж точно, тёмные времена, – выдохнула я, наконец, собравшись с силами, и пошла в сторону мельницы.

Идти было трудно. Ноги затягивало в грязь, руки были заняты туфлями и плащом, который я придерживала, чтобы не замарать слишком сильно. Дорога казалась бесконечной. Каждый шаг отдавался ноющей болью в мышцах, а холодный дождь пробирал до костей, оставляя кожу липкой и ледяной. Вдалеке, сквозь пелену воды, наконец проступил силуэт старой мельницы: её лопасти, скрипя и покачиваясь, резали серое небо.

За ней показалась и деревня. Низкие дома, крытые серой соломой, казались тёмными и неприветливыми. В ожидании грозы ставни были закрыты, а если где ещё оставались открытыми, то огни оттуда отражались в лужах, и этот свет дарил мне какую-то надежду.

Выбрав первый дом, в котором горел свет, я ускорила шаг, и через несколько минут подошла к калитке. Никаких звонков, колокольчиков или молоточков на ней не было. Зато был пёс, который сразу залаял на меня из-за забора.

— Хозяева! – крикнула я, надеясь привлечь чьё-то внимание. – Есть кто дома? Хозяева!

Дверь отворилась, и на крыльце появилась пухлая женщи-

на средних лет. На её голове был повязан платок на необычный манер, отчасти напоминая тибетейку.

— Ты чьих будешь?! — неприятным голосом крикнула она.

— Я... я путница, добрая женщина! Дождь не даёт покоя, до следующего города далеко, ищу ночлег! Не приютите на ночь хоть в сенях, хоть в сарае?

— Ступай прочь, бесовка, нам своих бы пристроить! Вон, уж десять внуков народилось!

— Я могу заплатить!

— Ещё, гляди, эстолами золотыми души нам портить удумала? А ну, шла прочь, говорю!

Следующий дом встретил меня глухим молчанием: после моего стука кто-то внутри задвинул засов и зашептался, но так и не открыл. В третьем за дверью раздался грубый мужской голос:

— Катись-ка, покуда жива, девка! Чужака нам тут не надобно!

Откуда в этих людях столько злобы? Что с ними случилось, что они настолько никому не доверяют? Я не находила ответа, но это было сейчас не главным, что меня беспокоило. Раскаты грома всё приближались и, того и гляди, начнут молнии сверкать прямо над головой, а затем и ливень ударит стеной. Нужно было быстрее искать выход. Не ночевать же в лесу в такую-то погоду!

Дождь лил стеной, струи стекали по лицу, смешиваясь со слезами. Всё тело дрожало от холода, а ноги, босые и из-

раненные мелкими камешками, уже едва слушались. Я обошла около десятка домов, пока мне не повстречался мужик, что тащил на плече охапку дров. Он стоял, прислонившись к ограде, наблюдая за моими попытками заговорить с очередными хозяевами, и, когда я подошла к нему ближе, окликнул:

— Ночевать негде чёль?

Я уже почти не надеялась, но всё же ускорила шаг, чтобы подойти ближе, и повторила своё объяснение о пути, о дожде и о ночлеге. Тот обернулся назад и показал в сторону тракта, от которого я пришла, но с другой стороны от деревни.

— Вон, у колодца домишко стоит. Бабка там жила, да в том годе померла. С тех пор пустой стоит, некому за ним глядеть. Никто туда жить не идёт – крыша течёт, огород бурьяном порос... Но от дождичка укрыться в нём, глядишь, и можно.

— Спасибо, добрый человек, – выдохнула я с искренней радостью. – А дверь не заперта?

— Да кто ж её запрёт-то? А коль и запёрта, так в окно войдёшь.

Что ж, это всё равно было лучше, чем ничего. словно второе дыхание открылось: я с новыми силами зашагала по размытым дорогам туда, где за серой пеленой дождя виднелся большой колодец в самом конце улицы.

— Да только не одна ты там будешь, девка! – крикнул вслед мужичок. – Уж путник один давеча к нам прибился!

Сердце ухнуло вниз, когда слова мужика догнали меня сквозь шум дождя. Кто мог скрываться за теми стенами? Опасен ли он? Или там просто какая-нибудь паломница?

Я посмотрела на темнеющее небо и нервно усмехнулась. Вряд ли паломники соберутся в путь в такую погоду. Но выбора всё равно не было.

Сквозь дождь показался дом: покосившийся, с провалившейся крышей, с которой свисали клочья мха. Окна зияли темнотой, лишь из двух из них пробивался слабый, колышущийся свет: кто-то разжёг огонь внутри. Это одновременно пугало и радовало. С одной стороны, я не знала, кто ждёт меня внутри. С другой – там хотя бы было тепло и сухо.

Я подошла к крыльцу, доски которого угрожающе застонали под моим весом. Сердце взволнованно трепыхалось в груди. Осторожно я толкнула дверь, и та отворилась тихо, без скрипа, будто ждала меня.

Внутри пахло сыростью и старым деревом, но поверх этого запаха витал лёгкий аромат дыма. В гостиной, на полу у камина, сидел человек, не двигаясь. Лишь пламя отбрасывало на стены дрожащие тени. По крупной фигуре можно было догадаться, что это был мужчина, но он скрывался под тёмным плащом.

Глава 2

Под моей ногой скрипнула половица — и он поднял голову, оборачиваясь. Из-под капюшона показалось мужское лицо, и свет огня делал его черты особенно острыми и хищными. А его глаза... тёмные, глубокие, словно бездна, и от этого взгляда становилось трудно дышать.

Я невольно отступила, задумавшись, не стоит ли мне уйти подобру-поздорову, но было уже поздно искать новый ночлег.

— Кто ты? — низким, глухим голосом спросил он.

— П-путница, — снова повторила я. — Мне сказали, здесь можно бурю переждать.

Он долго молчал, изучающе глядя на меня, и мне нестерпимо хотелось опустить глаза долу, будто была в чём-то виновата. Но всё же взяла себя в руки и решительно прошла к камину, села рядом с ним и протянула руки вперёд. А потом закашлялась.

Лишь бы температура не поднялась. Вряд ли у них здесь найдётся что-то от простуды.

Я старалась держаться подальше от незнакомца, но его тень словно преследовала меня, да тёмные глаза следили за каждым движением. И только спустя пару минут он, наконец, перевёл взгляд на очаг.

— Я же... не помешаю? — осторожно спросила я.

— Если болтать не будешь.

Я покивала и замолчала, но вместо меня слово взял мой желудок, издав такое грозное урчание, что я наверняка покраснела от смущения.

— Еды нет, – сказал незнакомец.

Я хмыкнула. Он говорил не так, как местные: не переви-
рал слова, не менял их местами затейливым образом. Впро-
чем, он вообще не много говорил, и всё же, чувствовалось в
нём, что не местный, чужак на этой земле.

Огонь трещал, освещая пространство тусклыми, рыжими
отсветами. Я прижала к груди колени и накрылась сверху
плащом, словно это могло поставить между нами хоть ка-
кую-то невидимую преграду. Незнакомец снова сидел непо-
движно, как будто окаменел, но его присутствие ощущалось
тяжёлой каменной плитой на сердце. Казалось, каждый вдох
отзывается в воздухе напряжением.

Он не задал мне больше ни одного вопроса. Просто смот-
рел на пламя, а иногда переводил взгляд на меня – коротко,
словно проверяя, живая ли ещё, не перестала ли дышать.

У меня в животе снова заурчало, и я, выдохнув, резко
встала.

— Уже уходишь? – искоса посмотрел на меня незнакомец.

— Нечего рассиживаться, когда в животе пусто! – реши-
тельно выпалила я. – Хозяйка, говорят, в том году померла,
а огород её нетронутый с тех пор стоит. Надо пойти и про-
верить, неросло ли чего съедобного.

С этими словами я направилась к выходу из дома, но голос незнакомца остановил меня.

— Стой, – бросил он.

Я обернулась. Незнакомец тем временем стягивал с себя сапоги. Чёрные, с металлическими пряжками, они выглядели неожиданно дорогими для этого места и обстановки. Сняв сапоги он придвинул их в мою сторону.

— Пойдёшь по буеракам лазать босиком? Обуйся.

Я растерянно замерла, глядя на застывшую посреди комнаты обувь. Сапоги казались тяжёлыми, да и размер был явно не мой, зато доходили до колена, так что в них можно было пройти хоть через реку в брод.

— А вы? – вырвалось у меня.

— А я здесь подожду. Надеюсь, мне не придётся тебя искать, чтобы вернуть свои сапоги.

Поколебавшись, я подошла и натянула их на ноги. Сапоги оказались мягко подбитые внутри и удивительно тёплые. А когда я подняла взгляд, чтобы поблагодарить незнакомца, он уже снова отвернулся к камину, словно забыл и обо мне, и о собственной обуви.

— Если найду что-то, то и вам принесу.

— Не утруждайся, – бросил он через плечо.

Снаружи всё ещё лил дождь. Крупные капли громко стучали по крыше и листьям деревьев, а я с трудом обошла дом, чтобы осмотреть огород за покосившимся забором. Он действительно зарос высокой сорной травой и огромными лапа-

ми лопухов.

Трава, мокрая и тяжелая от дождя, липла к ногам, а внизу хлюпала вязкая земля. Я раздвигала лопухи, которые, казалось, могли скрыть целую ораву, и чем дальше пробиралась, тем больше удивлялась.

За первым рядом сорняков неожиданно открылся просторный участок, и я застыла, ошарашенная зрелищем. Среди бурьяна раскинулось целое поле огромных, налитых соком тыкв. Оранжевые шары, покрытые крупными каплями дождя, поблескивали в сумраке, словно кто-то рассыпал по земле десятки теплых фонарей. Некоторые из них были такими большими, что я едва могла бы обхватить их руками, другие – поменьше, но всё равно плотные и тяжёлые, с толстыми зелёными плетями, тянущимися меж сорняков.

От тыкв шёл сладковатый, медовый аромат, смешанный с запахом мокрой земли. Дождь только подчёркивал эту свежесть, превращая огород в нечто почти волшебное. Я подошла к ближайшей тыкве, потрогала ладонью её гладкую кожуру, и сердце вновь затрепетало, но в этот раз – от радости.

Меня всегда особенно влекла эстетика осени и, продумывая своё кафе, я собирала десятки различных рецептов из тыквы. А здесь их было столько, что можно было прокормить целый город!

Я быстро огляделась: вокруг, под сорняками, скрывалось всё больше ярких оранжевых боков. Приходилось пригибаться, раздвигать плети, чтобы увидеть новые плоды. Поле,

заброшенное и забытое людьми, щедро родило то, что могло спасти меня от голода.

Никакого ножа у меня при себе не было, поэтому, выбрав самые маленькие тыковки, я решила сорвать их с плодоножки. Маленькие плоды легко помещались в ладонях, но мокрые плети упрямо держали их, будто не хотели отпускать. Плодоножки скользили в пальцах, и приходилось тянуть сильнее, пока наконец не раздавался тихий хруст, и тыква оказывалась в руках. Пришлось приложить усилия, но они были щедро вознаграждены урожаем.

Прижимая к себе две тыковки, я двинулась обратно к дому. Дождь превратился в настоящий ливень, застилая глаза, но я только улыбалась: мне наконец-то улыбнулась удача!

Я толкнула дверь плечом, и она нехотя пропустила меня внутрь вместе с порывом ветра и дождя. В доме было тепло, несмотря на прохуdivшуюся крышу и лужи под ногами. С моего плаща тоже стекала вода, и я невольно обратила внимание на то, какими грязными были сапоги после вылазки по грядкам. Мне стало немного неудобно, но заняться обувью решила потом, а пока просто сняла сапоги, чтобы не разносить грязь по дому ещё больше. Вместо них, нырнула в туфельки Лилит, присев перед камином.

Незнакомец словно и не сдвинулся с места, но я уловила перемену: ноги его теперь были босы, а над камином висели, просушиваясь, длинные отрезы плотной ткани. Я невольно подумала, что это, должно быть, портянки, и мысленно окре-

стила его Воином.

— Ты быстро, – Воин скосил на меня взгляд. – Что это? Тыква?

— Там целое поле, – победно улыбнулась я. – В доме на-верняка есть печь или что-то вроде того...

Я уже встала, оглядываясь в поисках кухни, как он бросил через плечо:

— Печь не трогай.

— Что? – моргнула я.

— Половина кладки обрушилась, дым из щелей в дом пойдёт.

— Откуда ты знаешь, если весь вечер сидишь здесь?

Он поднял на меня косой взгляд, но ничего не ответил. Я же, хмыкнув, пошла к первой замеченной мной двери, но за ней была почти крошечная тьма, ведь единственным источником света в доме был камин, а окна в большинстве своём – закрыты ставнями. Да даже если бы и не были закрыты, на улице уже почти стемнело. Если бы дождь не лил, как из ведра, может, я бы что-то и могла разглядеть, но, увы, погода в тот день была не на моей стороне.

Я вздохнула и собралась уже возвращаться к камину, чтобы погреться и подумать, что делать дальше, но Воин рывком поднялся на ноги, взял с камина старую свечу, зажёл её огнём из камина, использовав для этого тонкий прутик, и направился ко мне.

— Дом старый, – заметил он. – Половицы сгнили.

И пошёл впереди меня, осторожно ступая на поскрипывающий пол. Я шла за ним следом, стараясь наступать туда, куда ставил ногу он, а дрожащий огонёк свечи отбрасывал на стены пляшущие тени.

Мы прошли короткий коридор, стены которого были увешаны паутиной, и вошли в небольшую комнату. Когда-то это, наверное, была кухня: в углу стояла печь, которая действительно была не первой свежести. Рядом – обугленные полки, покрытые толстым слоем пыли. На столе лежали черепки, ржавые ножи, остатки когда-то белой скатерти.

Воин поднял свечу выше, и я увидела, что пол возле печи местами провалился, зияя тёмными дырами.

— Вот, – он кивнул на печь. – Видишь? Кладка просела, тяги нет. Захочешь разжечь – захлебнёшься дымом и не заметишь.

Я сглотнула. Его слова прозвучали спокойно, без угрозы, но от них по спине пробежал холодок.

— Ладно, – решительно кивнула я. – Тогда запечём тыкву в камине! Я поищу здесь посуду, а ты сделай следующее: сдвинь горящие угли в одну сторону, а прогоревшие – в другую. Потом тщательно закопай в них тыквы.

Он кивнул и, не говоря ни слова, покинул кухню.

Я упёрла руки в бока и осмотрелась. Кухня была достаточно просторной, если не использовалась в качестве столовой. По центру стоял стол, по краям тянулись шкафчики, стояли бидоны и множество глиняных склянок с запечатанными

горлышками.

Я потянула на себя дверцу ближайшего шкафа, и она закрипела, едва держась на ржавых петлях. Внутри оказался настоящий хаос: битая глина, сколы, черепки, из которых торчали ржавые гвозди. Казалось, ничего здесь не уцелело, кроме того, что давно растащили местные жители. Полки были покрыты толстым слоем пыли, паутинами, а кое-где даже следами мышей. Осторожно перешагнув через обломок, я открыла другой шкафчик, но там меня встретила та же самая картина.

И только четвёртая дверца смогла меня приятно удивить. Там, за треснутым глиняным горшком стоял целый набор деревянной лакированной посуды. Я вытащила одну из мисок и, сдунув пыль, оглядела её на свет. Узор был на удивление чётким и ясным, несмотря на налёт и грязь, что скопились на поверхности: витиеватые листья и ягоды, затейливые завитки танцевали на поверхности миски, а лак красиво блестел в свете свечи.

Выбрав две миски из тех, что лежали в середине стопки, я захватила ещё две ложки, такие же деревянные и лакированные, после чего отправилась обратно в гостиную, прижимая к груди ценную находку.

— Хотя что-то уцелело, – сказала я после того, как успешно преодолела коридор со свечой в свободной руке. – Здесь есть какой-нибудь песок или зола?

— Песок? – вскинул бровь Воин, который в это время во-

зился с поленьями, подкидывая их на ту сторону камина, где горел огонь. С другой стороны, у прогретой стенки, лежала аккуратная кучка красноватых углей с закопанными внутри тыквами.

— Хочу почистить посуду. Здорово было бы её обжечь для дезинфекции, но посуда деревянная, как бы не испортить...

Я слишком поздно подумала о том, что слово “дезинфекция” вряд ли знакомо местным жителям. Но Воин, казалось, не обратил внимание.

— Зола здесь, – сказал он и потянулся к неприметному котелку возле камина. Подняв крышку, отложил её в сторону и вернулся к огню.

Я поставила миски на стол и, присев на корточки, зачерпнула пальцами немного золы. Мягкая, шелковистая, она липла к коже, оставляя серый налёт.

Я уже хотела начать натирать ею посуду, как вдруг почувствовала, что пальцы коснулись чего-то твёрдого. Нахмурившись, я отложила тарелку и запустила в котелок обе руки.

— Что там? – тут же настороженно спросил Воин.

— Не знаю, – пробормотала я и чихнула, подняв вокруг себя облако пепла.

А потом замахала руками, разгоняя пепел и жмурясь, потому как частички попали в глаза, и их теперь нещадно щипало. Так что я скорее услышала и почувствовала, чем увидела, как Воин накрывает котелок крышкой, осторожно ото-

двинув меня в сторону сильными, тёплыми руками. Я почувствовала это тепло даже сквозь мокрую ткань плаща и, протерев глаза запястьем, ещё не испачканном в золе, бросила на него изучающий взгляд.

Кто же он? Скрытный, молчаливый, строгий и внимательный. Он был таким холодным снаружи, но я словно чувствовала тепло его сердца.

Это было странное, незнакомое мне ощущение, и я невольно замерла, наблюдая, как он осторожно открывает котелок и начинает плавными движениями извлекать из золы крупные монеты одну за другой.

— Золотые эстола, — сказал он, протирая одну из монет краем своего плаща и рассматривая её в свете очага. — Должно быть, бывшая хозяйка хранила их здесь на чёрный день.

Я осторожно опустилась на колени рядом с кучкой монет и попыталась их рассмотреть, но они были настолько запачканы золой, что даже рисунок едва ли просматривался. Но я припоминала, что золотые эстола в этом мире были самыми крупными деньгами. В моём кошельке лежало четыре медных эстола — и этой суммы уже было достаточно для того, чтобы деревенские жители соблазнились позволить мне переночевать. Если бы не были так запуганы.

Я вздохнула и вернулась к натиранию посуды, чтобы успеть очистить её до того, как тыквы пропекутся. И, не глядя на Воина, который очищал монетки от золы, заметила:

— У хозяйки никого не осталось. У этих денег нет наслед-

ника. Думаешь, стоит отдать их деревенскому старосте?

— Он их только прикарманил себе. Тебе они нужнее.

— Почему ты так...

— Вижу.

Я замолчала и опустила взгляд на безбожно испорченное платье, которое отчётливо просматривалось, когда плащ распахивался. Эти деньги действительно могли бы сильно облегчить мою задачу найти себе место в этом мире. Мне было неведомо, какая сила занесла меня в эту сказку, но возвращаться обратно туда, где я должна была провести остаток жизни в инвалидной коляске, не хотелось, несмотря ни на что.

Мне снова удалось обмануть смерть. И теперь я должна была сделать всё, чтобы сделать себя счастливой!

— Тогда давай их разделим, – предложила я. – Без тебя я бы, может, и не нашла бы эти монеты.

Воин поднял на меня взгляд, медленно и внимательно, словно пытался прочесть, не шучу ли я. Потом усмехнулся уголком губ – не весело, а как-то устало.

— Поделить? – в его голосе слышалась лёгкая насмешка. – Оставь их себе.

— Но это нечестно, – возразила я, опустив миску на колени. – Ты тоже не выглядишь как человек, у которого есть всё необходимое. Иначе бы ты не сидел тут со мной.

— Я не нуждаюсь в золоте, – ответил он просто, будто это было само собой разумеющееся. – То, что мне нужно, не

купишь эстолами.

Я не нашлась с ответом и опустила взгляд, взявшись за миску с удвоенным усердием. Тряпица, которой я растирала тарелку, начала двигаться более мягко и плавно по глазированной поверхности, а зола уже выделила скудную пену.

Воин молча продолжал чистить монеты, больше не глядя на меня. Я же то и дело бросала на него косой взгляд. Кто он? Что скрывает? Любопытство росло во мне, но я сдерживала его, ведь нам всё равно было суждено расстаться наутро.

Закончив с монетами, Воин положил всю блестящую кучку передо мной и тихо велел:

— Спрячь и не показывай никому. Постепенно разменивай на мелочь и расплачивайся только медью.

Я замерла, глядя на сияющие монеты, а потом перевела взгляд на свои руки. Они были серыми от золы, чуть мыльными и влажными. Пришлось выйти на улицу и смыть всё не только со своих рук, но и с миски. Благо, потоки воды с неба всё не прекращались. Подумав, я оставила миску на улице, чтобы набрать в неё немного чистой питьевой воды.

Вернувшись в дом, я сложила монеты в мешочек, что отдал мне Арден перед расставанием. В этот момент в камине громко треснуло полено, и сладкий аромат печёной тыквы наполнил гостиную и согрел моё уставшее сердце.

Я покосилась на Воина. Он смотрел куда-то в сторону, явно думая о чём-то своём, а свет огня, что бросал на его лицо мягкие блики, делал лицо незнакомца... добрее.

— Как тебя зовут? – неуверенно спросила я и тут же выпалила: – Я хочу помнить того, кто сделал мне такой щедрый подарок. Ведь ты... ты мог и забрать всё себе, и я бы не смогла сопротивляться.

Он несколько мгновений озадаченно смотрел на меня, а потом тихо рассмеялся:

— Ты серьёзно думаешь, что я бы мог так поступить?

Я пожала плечами:

— Когда ты снимал сапоги, вынул кинжал из одного из них. Что я могу против такого оружия? Даже сбежать не успела бы с этими деньгами.

И неловко улыбнулась. Шутка получилась так себе, но Воин с улыбкой покачал головой, а потом вдруг посерьёзнел:

— Тебе не нужно знать моего имени. Как и мне – твоего. Что-то мне подсказывает, что ты не хотела бы раскрывать себя перед тем, кого видишь впервые. Или я неправ?

— Нинель, – краснея, выпалила я. – Моё имя – Нинель.

И задумалась, пытаюсь придумать, как преобразовать свою фамилию, чтобы она звучала похоже на местные. Там, в прошлой жизни, меня звали Нинель Андреевна Фаге. Сказывались французские корни, что достались мне по мужской линии ещё из девятнадцатого века, а сама фамилия с французского переводилась как “буковый лес”. И если имя вполне было похоже на местное, то вот фамилия...

— Нинель а’Фагель, – наконец, неуверенно закончила я и скосила взгляд, наблюдая за его реакцией. И не зря. Воин

действительно посмотрел на меня заинтересованно и даже озадаченно.

— Ты знаешь, как переводится твоё имя с древнего наречия?

Я помотала головой:

— У меня... не настолько хорошее образование. Я ведь... из простой семьи.

— Нин Фаг, – задумчиво произнёс Воин и усмехнулся.

— Что это значит? – я заинтригованно подалась ему навстречу.

— Нин значит “птица”, а “фаг” – маленький.

— Маленькая птичка? – уточнила я и тоже невольно улыбнулась.

— Тебе подходит, – хмыкнул Воин, но пояснять не стал, снова углубившись в свои мысли, и комнату наполнил шум дождя и потрескивание дров в камине.

— Почему? – не выдержала я спустя несколько мгновений.

Воин скосил на меня взгляд.

— Ты сейчас выглядишь, как мокрый воробей, – сказал он и, взяв ещё не очищенные ложки, придвинулся к котелку с золой.

Некоторое время мы занимались чисткой посуды, заполняя паузы пустыми разговорами. Вернее, в основном говорила я, а Воин всё больше молчал. Я рассуждала о том, что делать с прохудившейся крышей, об огороде, который зарос

тыквой, об организации ночлега в этом заброшенном доме. Несмотря на сырость, холод и протекающую кое-где крышу, тепло и свет очага согревали не только снаружи, но и изнутри. За стенами бушевала непогода, а у нас было спокойно и уютно, и в какой-то момент я даже поймала себя на том, что перестала бояться этого незнакомца, который скрывал своё имя и избегал смотреть в глаза.

Но он был прав. Я сама скрывала больше, чем могла бы рассказать о себе. Странно было бы сообщать, что я здесь, вообще-то, каким-то магическим образом оказалась, и все вы – только строчки в прочитанной мной книге. А если я всё-таки сплю и вижу сон? Маловероятно, но тогда говорить об этом окончательно теряло смысл.

Задумавшись о природе моего перемещения в книжного персонажа, я замолчала и уставилась на языки пламени. Сердце защемило, ведь там, в другой жизни, всё было родным, знакомым, привычным. Даже инвалидное кресло. А здесь меня ждала только неизвестность.

— Почему местные так не любят чужаков? – спросила я после долгого молчания. – Они даже деньги не хотели брать, гнали меня от своего дома.

Воин скосил на меня взгляд.

— Ты откуда явилась, что таких вещей не понимаешь?

— Я... издалека, – к моим щекам прилила кровь. – С границы. Другой.

— Из Лушерского графства?

Я в ответ только неопределённо повела плечами, но Воин не стал уточнять. Он взял кочергу и поправил поленья в камине, а те, что перестали гореть, придвинул ближе к тыквам, добавляя им тепла.

— Это всё кочевники, — сказал он. — Уж о них-то ты слышала?

— Конечно, — кивнула я.

— Их шаманы стали проникать в сны людей и управлять ими, вынуждая делать ужасные, непоправимые вещи.

Точно, Лилит говорила об этом. Она думала, что Мириэль, в теле которой я оказалась, пыталась отравить принца, следуя голосам шаманов в её голове. Кочевники могли таким же образом заставлять солдат идти против своих господ, открывать ворота или сжигать целые города. Теперь никому нельзя было доверять. Даже самым близким.

Пока пеклись тыквы, мы с Воином приготовили места для ночлега. Нашли кровать в одной из соседних комнат, перенесли её ближе к камину. В сундуках, замки на которых Воин сумел сломать, обнаружилась старая одежда, и я с восторгом перебирала её, как настоящий клад. В результате мне удалось переодеться в сухое и относительно чистое. Там же обнаружилось и постельное бельё, чистое, накрахмаленное. Его хранили с такой бережностью, что даже сейчас, спустя месяцы после кончины хозяйки, оно сверкало белизной.

— Я лягу на полу, — сказал Воин, меняя бочку, в которую стекала вода в месте, где крыша прохудилась особенно силь-

но, на пустую.

— Где-то в доме должны быть ещё кровати, – заметила я. – Этот камин должен отапливать и второй этаж, так что наверху должны быть спальни.

— В этом нет необходимости.

Он взял одно из принесённых нами одеял, аккуратно разложил его на полу перед камином и положил сверху чистую посуду, отчего этот пяточок стал напоминать место для пикника.

— Думаешь, тыква уже пропеклась? – спросил он.

Я улыбнулась. Всё-таки, Воин был голоден, хоть и скрывал это.

— Прошло уже довольно много времени, – кивнула я и села на колени на краю одеяла, кочергой разгребая угли и сдвигая их в сторону огня, который уже еле теплился.

Воин осмотрелся, после чего положил перед камином доску, размером с небольшой стол, которую нашёл где-то в глубине зала. Положив доску перед камином, он с помощью кочерги и металлического совка перекатил тыквы через оградку прямо на доску. Те опасно покатались, но остались на доске.

— Надо подождать, пока остынут, – заметила я. Но Воин, достав откуда-то из-под плаща длинный кинжал, ловко разрезал обе тыквы на половинки, а потом переложил по одной половинке в каждую миску и подал одну из них мне.

Я поднесла миску к носу и втянула сладкий аромат. Он

был густой и тёплый, наполняя воздух особенной тыквенной сладостью. Карамельный запах смешивался с дымком от углей, а от разрезанного плода поднимался лёгкий пар, который тонкой струйкой тянулся к потолку. Мякоть была золотистой, кремовой. На поджаренной коже блестели запёкшиеся капельки янтарного сока. Я осторожно зачерпнула ложкой кусочек, подула на него и попробовала. Он чуть не обжёг язык, но тут же растаял во рту, оставив вкус тёплой, сладкой осени, который немножко отдавал мёдом.

— Божественно, — прошептала я, прикрыв глаза от удовольствия, и мой желудок тут же требовательно заурчал, вгоняя меня в краску.

Воин не сказал ни слова. Он даже пренебрёг ложкой, черпая мякоть из тыквы своим кинжалом с тонким блестящим лезвием. Он выглядел отрешённо, но его лицо будто немного смягчилось.

— Ты странная, — сказал он вдруг, не прекращая есть. — Не такая... как все.

Я смутилась, не зная, что ответить. Наверное, и речь моя, и поведение отличались от привычных ему. Мне приходилось выбирать слова и быть осторожной даже в жестах, чтобы не привлекать лишнее внимание, но его зоркий глаз было не обмануть.

— И на городскую не похожа, — продолжал он. — И на деревенскую. Неместная.

Я отвела взгляд. Что он будет делать с этим выводом? По-

пытается ли выяснить истину?

— Не волнуйся, – словно прочитав мои мысли, добавил он. – Я уважаю твою тайну. И того же жду от тебя.

Я кивнула, и мы снова погрузились в смакование этого простого, но изумительного горячего ужина. А когда от первой половинки в руках Воина осталась только корка, он отложил миску в сторону и глухо произнёс:

— Дариан а’Дерис.

— Что? – я моргнула, не сразу осознав смысл его слов.

— Моё имя, – он посмотрел мне прямо в глаза. – Дариан а’Дерис.

Моё сердце дрогнуло, и в этот момент одно из полений хрустнуло, а огонь загорелся ярче. Я не знала, чем заслужила такую откровенность, но чувствовала – и сердцем, и душой, – что эти слова были чем-то большим, чем простая вежливость.

— Спасибо... Дариан, – сказала я почти шёпотом.

Он не ответил, только положил в миску вторую половинку и снова перевёл взгляд на огонь.

Глава 3

Я проснулась, когда солнечные лучи, пробравшись сквозь щель между ставней, начали падать на глаза. Со стоном повернулась на спину и закинула руку за голову... не сразу осознав, что сделала это совсем не привычным мне образом. И только после этого вспомнила обо всём, что произошло прошедшим днём.

Сев на кровати, я несколько минут просто шевелила пальцами на ногах и ступнями, заворожённо наблюдая за этим. Ноги, конечно, были не мои, но других-то не было! К тому же, меня это полностью устраивало: родные ноги два года как перестали двигаться, и сменить их на новые казалось несбыточной мечтой, и могло произойти разве что во сне. Но проснуться в этом мире второй раз подряд... нет, такого не могло произойти во сне.

Тело всё ещё ныло. Мириэль была девушкой придворной, не привычной к физическому труду. Её осанка была идеальной, так что даже когда моё сознание оказалось в этом теле, мышцы привычно держали спину ровно. Это проявлялось даже в жестах, что было странно, ведь я привыкла двигаться совсем по-другому.

Я выбралась из постели и осмотрела себя. На мне было старое платье, которое бывшая хозяйка сохранила в одном из сундуков и которое, возможно, носила ещё в молодости.

Несмотря на то, что ткань выглядела далеко не новой, она была добротной, швы – крепкими, и платье на удивление сохранило неплохой вид. Платье, которое было на мне раньше и накидку, что отдала Лилит, я спрятала на случай, если меня будут искать “тёмные плащи” – местный аналог полиции. Облегчать им поиски гербовой застёжкой точно было бы глупо. Как и вообще – дорогой, характерной для дворца одеждой.

Воина уже не было. Не осталось ни его вещей, ни даже следов пребывания: постель была аккуратно сложена в ногах на моей кровати, миски и ложки пропали, как и обгоревшая тыквенная кожура.

Я осталась одна, и это было странно – словно всё то, что произошло накануне было всего лишь плодом моего воображения. Должно быть, мой сон был настолько крепок, что я даже не заметила, как Воин... то есть, Дариан ушёл и, скорее всего, покинул деревню.

Приказав себе отставить грустные мысли, я решительно прошла к окнам и распахнула ставни, впуская свет в главную горницу дома. Не знаю, что именно называлось горницей, но почему-то это слово показалось мне самым подходящим. Камин расположился в самом центре, напротив выхода в предбанник, возле которого вдоль стен тянулись длинные скамьи.

Солнечные лучи, пробившись сквозь густую, ещё пока зелёную листву, ложились косыми полосами на пол, выхватыва-

вая из полумрака пылинки, что лениво кружились в воздухе. Каменные стены, шероховатые на вид, хранили прохладу, а под потолком виднелись старые деревянные балки. Всё вокруг пахло деревом и костром – этот аромат тянулся с улицы, будто кто-то разводил костёр и сжигал на нём старую сухую листву.

Камин был даже больше, чем мне показалось ночью. Внимательно осмотрев его, я довольно улыбнулась: в нём можно было бы готовить пищу, используя большой котёл. Мне даже показалось, что я видела нечто подобное накануне в кухне, но все здесь пролежало целый год без уборки, и старые котлы нуждались в основательной мойке. Наверняка где-то неподалёку есть река с хорошим песком, который можно было бы использовать в качестве абразива. Не всё же золой очищать!

Я медленно шла по дому, вдыхая его ароматы. Всё это напоминало мне бабушкин дом, в котором я выросла. Отца я никогда не знала, а мама, которая была очень занятой женщиной, проводила почти всё время в командировках, так что большую часть года мне приходилось проводить в деревне. И хотя дом моей бабушки был поменьше и выполнен из дерева, всё равно он чем-то неуловимо напоминал это просторное, но на удивление уютное помещение.

По одному я открывала окна, впуская в дом аромат сырой земли и озона, который всё ещё сохранялся в воздухе после дождя. Откуда-то тянулся приятный запах свежей выпечки, издалека доносились детские голоса. Моя бабушка на

одном из таких подоконников держала корзинку с пирожками, и дети часто прибегали к ней с десятирублёвыми монетами, чтобы купить ватрушку.

Тёплые воспоминания коснулись моего сердца и заставили улыбнуться. Она выходила меня после аварии и “подняла на ноги” – то есть, научила жить дальше, а сама покинула мир живых совсем недавно, оставив меня одну. Я мечтала жить в её доме, разводить кур и заниматься огородом, вот только больше не могла.

И моё сердце взволнованно билось от мысли, что теперь я смогу жить так, как уже не могла и мечтать!

Ещё раз критически осмотрев гостиную, я невольно представила себе, что в ней поместилось бы несколько столиков, возле камина хорошо бы встала пара кресел-качалок, даже если использовать его для приготовления пищи. На торцевую стену можно повесить картину, а сбоку от камина – небольшой бар. К тому же, дом стоял прямо у тракта – не слишком оживлённого, но на полпути между крупными городами. Если бы здесь ждал горячий обед и крыша над головой, путники непременно останавливались бы...

Я усмехнулась своим мыслям и покачала головой. Остаться здесь, вблизи столицы, было бы опасно, мне следовало бежать дальше, куда-нибудь в глубинку или даже на границу, подальше от кочевников, шаманы которых были способны проникнуть в мои мысли.

И всё же, глядя на этот зал, я уже почти видела, как его

наполняют посетители, чувствовала, как пахнет выпечкой и травяными чаями, а в камине весело потрескивают дрова...

Встряхнув головой, я обулась и пошла на улицу, чтобы найти способ помыться. Ночь в темнице, а потом дождь и грязь под ногами не оставили на моём новом теле ни кусочка чистой кожи. Поэтому я задалась целью во что бы то ни стало отыскать ведро, котёл и корыто, чтобы нагреть себе воды для импровизированного купания. И вздохнула, подумав, что, если мне повезёт, то, может быть, в этом мире люди строят себе бани.

Солнце стояло уже высоко в голубом небе, и его лучи отражались от влажных поверхностей луж, листвы и мокрых крыш. Птицы заливались пением, несмотря на приближающуюся осень. Прикрывая глаза ладонью, я оглядела двор. Он тоже оказался больше, чем казался в ночи, и за зарослями виднелись небольшие хозяйственные постройки, о назначении которых можно было догадаться, только пробравшись внутрь. Но моей целью было иное.

Вёдра обнаружились быстро: они стояли в сенях под лавкой, что несказанно меня обрадовало. Там же обнаружилось и коромысло, которое стояло, прислонившись к стене в углу. Рядом стояли грабли с лопатой, которые полностью проржавели от сырости из-за прохудившейся крыши.

В деревне, где жила бабушка, долгое время было всего три колодца. Только когда мне было семь, дедушка накопил достаточную сумму, чтобы пробурить скважину на сво-

ём участке, а до этого приходилось носить воду за две улицы и держать её в больших бочках. Обычно этим занимался дедушка: он заводил свой старенький “Москвич” и отправлялся к колодцу с большими баками. Но иногда он пропадал на рыбалке или проводил время в больнице – и тогда мы с бабушкой вместе ходили за водой. Я ехала на маленьком четырёхколёсном велосипеде, а она неспешно шла по дорожке с коромыслом и двумя вёдрами.

Этот образ ярко предстал перед моим внутренним взором, и я без труда приладила всё, как нужно, и пошла с этим добром по тропинке, заросшей мокрой травой, к калитке, а потом – и к колодцу, который располагался прямо перед домом, в котором я провела ночь.

У колодца собралось несколько женщин. Все – также с вёдрами и коромыслами, но они не спешили расходиться. Поставив вёдра на землю, они бурно что-то обсуждали. И когда я приблизилась достаточно, чтобы слышать предмет их разговора, у меня похолодело в груди.

— А я ж тебе говорю, Рафель, – залиvisto вещала полная, румяная женщина с платком, завязанным под подбородком, – сын мой с заработков вернулся, сам видел! Королев-то теперь в столице, как грязи, а войско всё в поход собирают. Говорит, по дворам шастают Тёмные Плащи, кого ни попадя хватают.

— Ишь ты... – протянула соседка с острым носом, поправляя коромысло на плече. – И кого ж они хватают? Али

тех, что на кочевников похожи?

— Не, не только... — та понизила голос, но всё равно он донёлся до меня. — Про одну бабу сказывали... из дворца сбежала, от самого короля, во! Хотела, мол, всю королевскую семью отравить. Да не удалось...

— Тьфу ты, паси боже! — перекрестилась третья, молодая, но с уже натруженными руками. — И где ж теперь эта отравато ходит?

— Кто ж её знает... — пожала плечами румяная. — Только весточка из столицы дошла: ищут её по всем дорогам. Говорят, в деревнях тоже смотреть велено.

— Ну, значит, в жарнице скоро вести будут, — хмыкнула остроноса, — как поймают-то. Тогда и перемоем в жарнице до косточек.

Женщины засмеялись, но смех был такой, от которого внутри похолодело. Их взгляды скользнули мимо меня — вроде бы и не пристально, а всё же с каким-то прищуром, как будто каждая мысленно примеряла услышанное к моей фигуре.

Я заставила себя опустить вёдра в колодец и прислушаться уже только к плеску воды, хотя от обрывков их разговора сердце всё так же колотилось.

Вытянув первое ведро воды, я стала умываться, чтобы немного задержаться и послушать ещё, о чём говорят местные женщины. Мне нужно было не только больше информации о том, что происходило в мире, но и прислушаться к го-

вору, чтобы хоть немного копировать его. Дариан наверняка сразу понял, что я “городская”, ведь он и сам говорил не так, как местные. И всё же промолчал. Мог ли он предположить во мне Мириэль?

— А про свадьбу-то слышали? – первой нарушила паузу молодая с натруженными руками. – Младший-то, принц Кассиан, с лордовой бастардкой обручился.

— Ха! – румяная фыркнула. – Да куда ему другую невесту-то! Туп, как пень в болоте. Надо было династические браки заключать, во!

— Ой, ну не скажи, Аграфель, – возразила остроносая, – чуждых царей дочки интересы свои будут продвигать. А младшой-то принц, только он и сможет войско поднять. Он хоть горячий, а не как его братец... сбежал, и след простыл.

— А то и сбежал! – хмыкнула третья, невысокая, с тёмным лицом. – Говорят, старший-то – настоящий наследник, мог бы и защитить нас от кочевников, да плюнул и ушёл. Предатель он, а не принц.

— А я думаю, – упрямо качнула головой румяная, – что не предатель он, а голову на плечах имеет. Не хочет в этом бедламе кости сложить. Может, и вернётся, когда пора будет.

— Да не вернётся он, – вздохнула молодая. – Его бы уже вернули, кабы хотели. А так – ищи-свищи.

— Ну, – протянула остроносая, – уж лучше б он, чем этот младший. Тот на трон сядет – и жди беды. Говорят, в столице одни пиры и гулянки, а кочевники тем временем всё ближе.

— Гулянки гулянками, а войско кто соберёт? — огрызнулась румяная. — Он хоть с солдатами пьёт, а не в одиночку в башне сидит. Солдаты такого слушать будут.

— А толку-то? — отмахнулась невысокая. — Пить вместе — не значит, что он воевать умеет.

— Да хоть какой, лишь бы не женился на той, что слухи про неё ходят, — хмыкнула молодая, поднимая своё коромысло. — Говорят, красота — что вино, а характер... что змеиный яд. Небось приворожила она принца, а при дворе теперь шагу ступить от Тёмных Плащей нельзя.

— Эх, бабы, — заключила остроносая, поправляя платок, — какие бы принцы там ни были, а нам своё делать. Воды на-таскать, бельё выполоскать, и к вечеру мужикам супцу жирного наварить.

— Куда там, неурожай же в этом году. Мяса уж второй цикл не видим!..

За разговорами женщины набрали воду, погрузили вёдра на коромысла и пошли по дороге к своим домам. Их громкие голоса постепенно стихали, и последними до меня донесли крики прощания, а потом всё стихло, лишь только капающая с деревьев вода продолжала стучать, да птицы заливались где-то в стороне.

Если бы было теплее и ранее не шли дожди, я бы рискнула поискать речку: деревни всегда возникали в месте расположения проточной воды, и здесь тоже должно было быть что-то подходящее. Но у меня всё ещё саднило горло, и я побоя-

лась простыть ещё сильнее. Поэтому, набрав воды, отыскала в доме котелок, который установила на уличной печке.

Это явление меня, честно сказать, удивило. Уличная печка представляла собой каменную двухуровневую кладку: внизу предполагалось развести огонь, а в нижней части верхнего уровня было сделано аккуратное круглое отверстие, в которое легко вставлялся небольшой котёл. Сверху была “крыша”, которая защищала котелок от дождя или падающих с деревьев листьев. Ночью, да ещё и в дождь, я, конечно, не заметила это сооружение, поэтому теперь удивилась и обрадовалась.

Разведение огня отняло у меня время. В доме, на полочке возле камина, лежало в мешочке огниво, с помощью которого Дариан прошлым днём растопил камин. В мешочке оказалось два предмета: тёмный, с острыми гранями камень, изогнутая стальная пластина с отполированными до блеска краями. А ещё – несколько крошечных комков серовато-коричневого волокнистого мха, сухого, но с едва уловимым запахом гари, несколько сухих щепок и маленькая прожжённая дочерна тряпица.

— Хм, – выдохнула я, рассматривая всё это добро.

Принцип действия огнива был мне знаком с детства. Время от времени, когда погода была хорошей, дедушка брал меня с собой на рыбалку, где мы разводили костры из того, что находили в лесу. И порой со спичками возникали сложности: то они заканчивались, то отсыревали. Но дедуш-

ка всегда носил с собой подобный мешочек. Конечно, заводское огниво выглядело несколько иначе, но это не меняло его сути.

Я заменила отсыревшие дрова в печи на те, что лежали в доме, набила просветы между ними самой сухой травой, какую смогла раздобыть, а кусочек мха положила на обломок доски, чтобы как можно быстрее поднести его к траве. Я взяла камень в левую руку, кресало – в правую и ударила.

Искры, как крошечные золотые брызги, рассыпались в стороны, но мох всё ещё остался холодным. Только на третий раз уголок потемнел и начал тлеть, выделяя тонкую струйку дыма. Я торопливо поднесла его к пучку тонкой сухой травы, сложенной в гнездо, и осторожно подула.

Дым стал гуще, потянулся вверх, и в следующую секунду сухие стебли зашипели, а на их кончиках вспыхнули первые огненные язычки.

— Есть, – прошептала я, аккуратно подсовывая траву, пока пламя не стало уверенным и тёплым. Запах свежего дыма наполнил ноздри, смешавшись с ароматом сырого дерева.

Пока закипала вода в котелке, я достала одно из чистых платьев бывшей хозяйки, которое казалось таким новым, словно никто ни разу его не надевал. Обошла двор и дом, осмотрев постройки вокруг. К моей радости, рядом действительно оказалось нечто похожее на маленькую баньку, но использовать её по назначению пока что было нельзя: её следовало тщательно убрать, проверить дымоход и убедиться,

что печь не будет давать дым в помещение.

Чем больше я рассматривала дом, тем больше он мне нравился, и тем меньше хотелось покидать его. Никому не нужный, он сохранял память о былом достатке: было видно, что хозяйка, хоть и была одинокой, но следила за домом и много делала по хозяйству. Если не считать кое-где прохудившейся крыши и испорченного из-за этого пола на втором этаже, дом выглядел добротным и мог прослужить ещё много лет.

А ещё, он стоял прямо на тракте.

Я мотнула головой, отгоняя настойчивые мысли о том, что здесь можно бы было открыть что-то вроде харчевни. Сначала нужно было разобраться с более насущными проблемами. К тому же, прошлым вечером мне ясно дали понять, что чужакам в деревне не место. И то, как на меня смотрели женщины у колодца...

После обхода я решила, что проще всего будет помыться во дворе, между густых кустов смородины. Поставив корыто, я наполнила его на две трети холодной водой и на треть – только что вскипевшей. Получилась довольно приятная тёплая водица. Ещё раз убедившись, что поблизости никого нет и никто не сможет меня заметить, я разделась и стала обмыться чистой тряпицей, добытой в шкафу с постельным бельём.

Я как раз наклонилась, чтобы зачерпнуть тряпицей ещё тёплой воды, когда за спиной послышался скрип калитки. Сердце ухнуло в пятки.

— Твою ж... — выдохнула я, обернувшись.

На тропинке стоял Дариан. Лук висел за спиной, в одной руке — туши нескольких зайцев, в другой — связка свежесрезанных трав. Он замер, взгляд на мгновение задержался на мне, и уголок его губ чуть заметно дёрнулся — то ли от улыбки, то ли от привычки оценивать обстановку.

Я судорожно прижала тряпицу к груди и сделала шаг назад, вглубь кустов.

— Стучать не учили?! — выпалила я, чувствуя, как кровь приливает к лицу.

— Стучать в калитку ничейного дома? — с иронией в голосе уточнил он, и за кустом послышались его шаги.

Я замерла, разрываясь между порывом высказать ему всё, что думаю о его бесцеремонности, и смущением. И пока я думала, как ответить, он молча ушёл в дом, оставив меня в смятении у корыта с остывающей водой.

Шумно вобрав носом полные лёгкие воздуха, я снова скрылась за смородиной и продолжила своё омовение. Чуть прохладный воздух пощипывал кожу, а я, наконец, смогла рассмотреть саму себя — и, главное, ноги, которые послушно двигались. Их вид заставил меня улыбнуться и забыть о недавней неловкости. В приподнятом настроении я смыла со стоп грязь, хорошенько потеряв их тряпицей, и вздохнула, когда поняла, что кое-что будет не так просто вымыть. Я не знала, как долго задержусь в этом месте, но начала подумывать о том, чтобы разобраться с парной.

Наконец, одевшись и слив грязную воду в траву, я вернулась к дому. Дариан сидел на завалинке и ловко орудовал кинжалом.

Рядом с ним на перевёрнутой бадье выстроились в ряд зачьи тушки, уже освежёванные и вымытые, а последнюю он как раз заканчивал разделывать, отделяя шкурку короткими точными движениями. Связку трав Дариан повесил на гвоздь у двери, и я без труда узнала в ней чабрец и широкие листья дикого чеснока: бабушка собирала такие по весне в овраге за огородом и добавляла во всё подряд, от супа до творога.

Я остановилась в паре шагов от завалинки, не зная, с чего начать. Щёки всё ещё горели, мокрые пряди липли к шее и напоминали о том, в каком виде он застал меня у корыта, а он сидел так невозмутимо, что от этого становилось только обиднее.

— Я думала, ты ушёл насовсем, — наконец сказала я, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Даже одеяло сложил так аккуратно, что ни одной складочки не оставил.

— Я и собирался уйти, — ответил он, не поднимая головы от работы. — Только брод на северной дороге поднялся после ливня, а на восточной какой-то бедолага увяз с телегой по самые ступицы. До завтра оттуда никто не выберется.

— Выходит, ты всё-таки остаёшься здесь?

— Выходит, уходить придётся тебе, — Дариан наконец поднял на меня взгляд, и в его тёмных глазах не было ни на-

смешки, ни тепла. — Тропа на Баргейн идёт через холмы, земля там каменистая, и дождь её не размывает. Выйдешь завтра на рассвете и к ночи доберёшься до постоянного двора у Сухого ручья.

Я растерялась. Пока я спала, он не только подумал о том, куда мне идти, но и успел разведать дорогу. Это могло бы меня тронуть, если бы он не говорил тоном хозяина, который выпроваживает засидевшуюся гостью.

— Я никуда не пойду, — твёрдо сказала я и скрестила руки на груди. — Мне некуда идти, а этот дом пустует уже год. Крышу можно залатать, печь переложить, огород расчистить. Здесь я хотя бы знаю, с чего начинать.

— Здесь не любят чужаков, и ты сама вчера в этом убедилась.

— Вчера я была мокрой бродяжкой без гроша за душой, — возразила я. — А сегодня у меня есть руки, крыша над головой и целое поле тыкв.

— И деньги, которые ты обещала никому не показывать, — напомнил он и вытер лезвие о край мешковины.

— Я и не собираюсь их показывать. Схожу в деревню и куплю соли и муки за медь, как ты сам советовал.

Дариан хмыкнул и снова склонился над тушкой.

— Тебе здесь и горсти соли не продадут, вот увидишь.

— Тогда зачем ты принёс зайцев? — не выдержала я. — Если так хочешь от меня избавиться, мог бы просто дождаться, пока я уйду сама.

Он отложил кинжал и некоторое время молча смотрел на меня снизу вверх. Под этим взглядом я вдруг вспомнила, что со вчерашнего вечера ничего не ела, и желудок тут же отозвался тихим урчанием.

— Затем, что одной тыквой сыт не будешь, а голодной ты до Баргейна не дойдёшь, — сказал он и кивнул на дверь. — Иди, раз решила. Только золото оставь в доме и возьми с собой одну медь.

Я вернулась в дом, отсчитала четыре медных эстола, а мешочек с золотом, поколебавшись, спрятала обратно в котелок с золой. Если бывшая хозяйка столько лет хранила там свои сбережения и никто их не нашёл, значит, лучшего тайника в доме не было.

При свете дня деревня выглядела совсем иначе, чем накануне в сумерках и под дождём. Низкие дома с потемневшими соломенными крышами тянулись вдоль единственной улицы, и почти за каждым плетнём виднелся огород. Только огороды эти были бедными: картофельная ботва полегла и почернела от сырости, капуста стояла редкая, изъеденная гусеницами до самых прожилок, а на грядках с репой больше было травы, чем репы. Худые куры копались в мокрой земле, у забора дремала тощая собака, которая даже не подняла головы, когда я прошла мимо.

Две женщины у соседних калиток замолчали, едва завидев меня, и проводили долгими взглядами. Мужик, чинивший изгородь, отвернулся и с преувеличенным усердием за-

стучал молотком. Я улыбалась каждому, кто попадался на-встречу, но улыбки мои отскакивали от этих людей, не находя ответа.

Вчерашнего мужичка, который подсказал мне дорогу к пустому дому, я нашла во дворе за колкой дров. Он ставил чурбак на широкий пень, примеривался и разваливал его надвое одним ударом, а потом складывал поленья в аккуратную поленницу под навесом.

— Доброго дня, — я остановилась у плетня и постаралась улыбнуться как можно приветливее. — Спасибо вам за вчерашнее. Если бы не вы, я бы ночевала в лесу.

Мужик опустил топор и оглядел меня с ног до головы, задержавшись взглядом на чистом платье.

— Гляди-ка, отмылась, — протянул он. — Ну и чего тебе надобно?

— Мне бы соли купить, немного муки и лука, если найдётся. Я заплачу медью.

Он почесал затылок и украдкой оглянулся на улицу, где у колодца две женщины замерли с вёдрами, прислушиваясь к нашему разговору.

— Соли самым впрытк, — сказал он, понизив голос. — Муки до весны едва хватит, а до нового урожая ещё жить да жить. Ты бы не ко мне шла, девка, а к старосте. Без его слова тебе тут никто и горсти не продаст.

— А где живёт староста?

— Да вон, где ставни резные, — он кивнул вдоль улицы. —

Только ты это... Не сказывай ему, что это я тебя к Ольдиному дому отправил.

— К какому Ольдиному дому?

— Ну так бабку, что там жила, Ольдой звали, — пояснил он и снова взялся за топор, всем видом показывая, что разговор окончен.

Я поблагодарила его и пошла туда, куда он указал. Дом старосты я бы узнала и без подсказки: он был самым большим на улице, с крепкими воротами, высоким крыльцом и ставнями, по которым тянулась тонкая резьба из листьев и птиц. Во дворе стояла телега, и двое работников грузили на неё тугие мешки, а третий перетягивал их верёвкой. Из одного прохудившегося мешка на землю тонкой струйкой сыпалось зерно, и куры старосты толпились вокруг, торопясь склевать всё до последней крупинки.

Сам хозяин стоял на крыльце, опираясь на резной посох. Это был грузный мужчина лет пятидесяти с густой седеющей бородой и маленькими глазками под тяжёлыми веками. Кафтан на нём был из добротного сукна и подпоясан широким кушаком, а сапоги блестели, несмотря на грязь во дворе.

— Ты, стало быть, и есть приبلуда, что в Ольдин дом забралась? — спросил он, не дожидаясь, пока я подойду ближе.

— Я путница, — ответила я и остановилась у ворот. — Меня зовут Нинель. Мне сказали, что дом пустует, и я укрылась в нём от грозы.

— Укрылась, значит, — протянул он. — А нынче утром кто

воду из общего колодца черпал? Кто печь во дворе топил, да так, что дым на полдеревни стоял? Тоже укрывалась?

— Я заплачу за воду, если нужно, — сказала я. — И за дрова тоже. Я пришла купить у вас соли и муки, а ещё спросить, кому теперь принадлежит дом. Я хотела бы остаться в нём до весны.

Работники у телеги переглянулись, а староста издал короткий смешок.

— Остаться, — повторил он. — Ишь ты какая шустрая. Ол-да родни не оставила, значит, дом её общинный, и решать за него обществу. А общество чужаков не жалует, особенно нынче.

— А почему именно нынче?

— Потому что знаем мы, чем такие ночлеги заканчиваются, — отрезал он. — Было уже у нас, хватит.

Я хотела спросить, что именно у них было, но по его лицу поняла, что ответа не дождусь. Тогда я достала из кармана медный эстол и протянула на раскрытой ладони.

— Тогда продайте мне хотя бы соли. Я заплачу, сколько скажете.

Староста посмотрел на монету, потом на меня, и его маленькие глазки сузились ещё сильнее.

— А откуда у бродяжки, что вчера босая по дворам шастала, медь водится?

Я сжала монету в кулаке, и по спине пробежал холодок. Почему-то мне вспомнились слова Дариана о том, что ста-

роста прикарманит себе всё, до чего дотянется.

— Добрые люди подали в дороге, — ответила я.

— Добрые люди, — хмыкнул он. — Вот пушай добрые люди тебе соль и продают. Мой товар не для приبلуд. А теперь слушай меня внимательно, девка. Даю тебе три дня, и чтоб духу твоего здесь не было. Молчуна своего, что по нашим лесам зайцев бьёт, тоже забирай. А не уберётесь, пришлю мужиков, и они вас под руки выведут.

— Но ведь дорогу размыло...

— А на днях я сам загляну, — продолжил он, не слушая меня, — погляжу, не растащили ли вы Ольдино добро. У ней, поди, было что растаскивать.

С этими словами он развернулся и скрылся в доме, громко хлопнув дверью, а работники вернулись к своим мешкам, даже не взглянув в мою сторону.

Обратно я шла медленно, глядя себе под ноги. Мысль о золоте, спрятанном в котелке с золой, не давала мне покоя. Если староста и правда придёт с обыском, он перевернёт весь дом, и тогда мне не помогут никакие объяснения про добрых людей. А ещё не давали покоя мешки на его телеге. В деревне, где у соседей под окнами гнила картошка, а у собак проступали рёбра, у одного человека находилось столько зерна, что его увозили на продажу.

На краю деревни я остановилась у плетня, за которым старуха перебирала картошку, раскладывая её на две кучки: в одной оставалась та, что получше, а во вторую шла мелкая и

подгнившая. Вторая куча была куда больше. Старуха подняла на меня глаза, но тут же опустила их и продолжила своё занятие, только руки её задвигались быстрее.

Я смотрела на неё и не могла понять одного. Если люди здесь голодают уже второй год, почему никто за целый год не тронул тыквенное поле на Ольдином огороде? Тыквы стояли там нетронутыми, крупные, налитые, их хватило бы на всю деревню до самой весны. Я дошла до дома, так и не найдя ответа.

Дариан к тому времени успел закончить с зайцами и развести огонь в уличной печке. В её устье уже стоял мой вычищенный котелок с водой, а сам он сидел на завалинке и правил кинжал на плоском камне.

— Судя по лицу, торговля не задалась, – заметил он, когда я молча опустилась на завалинку рядом с ним.

— Мне дали три дня, чтобы убраться, – ответила я. – Нам обоим. Староста сказал, что дом общинный, а общество чужаков не жалуется. А когда я предложила ему медь, он спросил, откуда у бродяжки деньги.

Дариан провёл лезвием по камню ещё несколько раз, прежде чем ответить.

— Я ведь предупреждал тебя ещё утром, – сказал он без всякого злорадства.

— Предупреждал, – согласилась я и вздохнула. – Только соли от этого больше не стало, а пресная зайчатина – удовольствие для очень голодного человека.

Он отложил кинжал, порывлся в дорожной сумке и бросил мне на колени маленький кожаный мешочек, туго перетянутый шнурком.

— Здесь немного, но на похлёбку хватит.

Я развязала шнурок и заглянула внутрь. Там была крупная серая соль, а среди её кристаллов поблёскивали чёрные горошины перца.

— Ты носишь с собой соль и перец?

— В дороге без соли никуда, – коротко ответил он.

Я не стала расспрашивать дальше, хотя заметила, что тиснение на мешочке было стёрто так старательно, что от рисунка остался лишь неясный край какого-то герба. Простые путники не носят с собой перец, и уж точно не стирают гербы со своих вещей. Но Дариан уважал мою тайну, и я решила отплатить ему тем же.

К похлёбке нужен был лук, и я отправилась на поиски по заросшему огороду. В дальнем углу, у самого забора, нашлись перья лука, разросшегося так густо, что его хватило бы на десяток котлов. Видимо, Ольда когда-то посадила его, а он год за годом сам себя пересевал. Рядом из травы торчала ажурная морковная ботва. Корни у одичавшей моркови были тонкими и бледными, но для похлёбки годились и такие. Я набрала полный подол и вернулась к печке, чувствуя себя настоящей добытчицей.

Кухонный нож, который я утром отчистила золой, всё ещё оставлял желать лучшего, но резал сносно. Я разложила на

доске зайчатину и стала разбирать её на куски поменьше, а Дариан, который так и не ушёл с завалинки, внимательно следил за каждым моим движением.

— Мясо сразу в кипяток? – спросил он.

— В холодную воду, – ответила я, опуская куски в котелок. – Зайчатина постная и жёсткая, её нужно долго томить на малом огне. Если бросить сразу в кипяток, она так и останется жёсткой, сколько её потом ни вари.

— Кто тебя этому научил?

— Бабушка научила, она каждую осень готовила зайчатину.

— Твоя бабушка жила на границе? – Дариан чуть склонил голову набок, и я поняла, что вопрос задан не просто так.

— Моя бабушка жила в деревне, где зайцев было больше, чем кур, – уклончиво ответила я и тут же перевела разговор: – Подбросишь дров? Только немного, пусть закипает потихоньку.

Он поднялся и сделал, как я просила, а потом вернулся на своё место. Больше вопросов о бабушке он не задавал, но я чувствовала на себе его взгляд всё то время, пока снимала пену и резала морковь.

Похлёбка томилаась до самых сумерек. За это время я успела вынести из кухни весь мусор, перемыть полки и выстроить на них уцелевшие горшки, а Дариан наколот дров на несколько дней вперёд и сложил их под навесом у стены. Мы почти не разговаривали, но это молчание больше не давило

на меня. В нём было что-то спокойное и правильное, и мне нравилось слышать за стеной мерный стук его топора.

Когда солнце опустилось за лес, я выбрала на поле небольшую тыкву, очистила её от толстой кожуры и нарезала мякоть крупными кубиками. Дариан опять оказался рядом, едва я поднесла доску к котелку.

— Тыкву ты кладёшь последней, – сказал он, и в его голосе не было вопроса.

— Если положить её вместе с мясом, она разварится и превратится в кашу, – кивнула я. – Зайчатина томится часа два, а тыкве хватит четверти часа. Тогда кусочки останутся целыми, но станут мягкими и сладкими. Лук и морковь идут чуть раньше тыквы, травы вместе с ней, а соль в самом конце, иначе мясо задубеет.

Он ничего не ответил, но я видела, что он запоминает.

Я как раз бросила в котелок чабрец и мелко порубленные листья дикого чеснока, когда Дариан вдруг замер. Он не сказал ни слова, только чуть повернул голову в сторону огорода, и в следующее мгновение уже бесшумно скользнул за угол дома. Я так и осталась стоять у печки с ложкой в руке, прислушиваясь к сумеркам. Где-то за забором заскулила собака, в лопухах что-то зашуршало, потом раздался треск, возня и сердитый мальчишеский вопль:

— Пусти! Пусти, говорю, ирод!

Через минуту Дариан вернулся, держа за шиворот вырывающегося мальчишку лет десяти. Тот был худым до про-

зрачности, босым, в рубаше с чужого плеча, подвязанной верёвкой, и прижимал к груди маленькую тыкву с такой отчаянной решимостью, что было ясно: отнять её удастся только вместе с руками.

— Вот тебе и вор, – сказал Дариан, ставя мальчишку перед печкой, но не выпуская воротника.

— Отпусти его, – я шагнула вперёд. – Ты же видишь, он ещё ребёнок.

— Ребёнок, который таскает чужое добро.

— Тыквы не мои и не твои, – возразила я. – У них вообще больше нет хозяина, так что и красть их не у кого.

Дариан посмотрел на меня долгим взглядом, а потом разжал пальцы. Мальчишка отскочил на шаг, но убежать не стал. Он переводил настороженный взгляд с меня на Дариана, а потом его глаза остановились на котелке, и он сглотнул так громко, что я услышала это даже сквозь треск огня.

— Как тебя зовут? – спросила я как можно мягче.

— Тимкой, – буркнул он, не отрывая взгляда от котелка. – Я не воровал, я для Пеструшки взял. Это коза тёткина. Её кормить нечем.

— Козы тыкву не пекут в углях, – заметил Дариан. – А у тебя в кармане огниво.

Тимка покраснел до самых ушей и прижал тыкву к себе ещё крепче.

— Ну и пеку, – с вызовом сказал он. – Ольда мне давала, когда тётка не видела. Говорила, тыква – это не только

свиньям, если умеючи. Только тётка ругается, что я свиной корм таскаю, вот я и пеку в лесу, чтоб никто не видел.

Я заметила, как Дариан при упоминании Ольды чуть заметно отвёл взгляд в сторону, но тут же снова посмотрел на мальчишку, ничем себя не выдав.

— Значит, у вас тыкву только свиньям варят? – переспросила я.

— А то кому ещё, – Тимка пожал костлявыми плечами. – Только свиней ещё весной всех поели, так что и варить некому. А Ольдины тыквы никто не трогает. Говорят, Ольга ведьмой была, раз столько лет одна прожила и ни разу не хворала. Кто её тыкву съест, у того, говорят, живот скрутит.

— У тебя скрутило? – спросила я.

— Не-а, – он шмыгнул носом. – Но я-то её знал. Она добрая была.

Так вот почему поле стояло нетронутым. В голодной деревне никто не притронулся к тыквам, потому что их считали свиным кормом, да ещё и с ведьминога огорода. Я едва удержалась от смеха и тут же почувствовала, как к горлу подкатил ком: Тимка стоял передо мной босой, худой, с ссадинами на коленках, и единственный человек, который его здесь подкармливал, умер год назад.

— Знаешь что, Тимка, – сказала я, – тыкву свою можешь забрать, она твоя. Но сначала поешь с нами. У меня как раз похлёбка готова.

Мальчишка недоверчиво покосился на котелок, где среди

золотистых кусочков тыквы виднелось мясо.

— Это что, похлёбка с тыквой?

— С тыквой и зайчатиной, – кивнула я. – Попробуешь, а потом расскажешь мне, правда ли у вас свиньи едят лучше людей.

Тимка хихикнул, но тут же нахмурился: видимо, вспомнил, что смеяться при чужаках не положено. Дариан молча принёс из дома третью миску и третью ложку, и я поняла, что он сделал это раньше, чем я успела попросить.

Мы расселись у печки прямо на завалинке. Похлёбка удалась: мясо стало мягким и отходило от косточек, тыква размлела, но сохранила форму, а чабрец и дикий чеснок сделали бульон густым и душистым. Бабушка бы меня похвалила. Тимка сначала ел осторожно, явно ожидая подвоха, но потом перестал стесняться и заработал ложкой так, что я не успевала уследить. Он выскреб миску до блеска, облизал ложку и поднял на меня глаза, в которых читалась такая надежда, что у меня сжалось сердце.

— Хочешь добавки? – спросила я, уже потянувшись к котелку.

— А можно ещё немножко?

Вторую миску он ел медленнее, и с каждой ложкой его плечи опускались всё ниже, а лицо становилось мягче. Наконец он отставил миску, вздохнул и сказал с таким серьёзным видом, что Дариан едва заметно улыбнулся:

— Тётка Рафель такого в жизни не варила. Она вообще

только репу варит, и то пустую.

— Тётка Рафель – это та, что с острым носом? – уточнила я, вспомнив женщин у колодца.

— Она самая. У ней своих шестеро, а тут ещё я. Батька мой на заработки ушёл и не вернулся, а мамки нету, – он сказал это просто и буднично и снова покосился на котелок. – А вы правда у нас жить будете?

— Староста дал нам три дня, чтобы мы ушли, – ответила я.

Тимка презрительно фыркнул.

— Староста всех гонит. Он и Ольду хотел выгнать, чтобы дом её себе забрать, только она его не боялась. А у самого амбары полные, он зерно в город возит, а нам говорит, что неурожай и всем надо затянуть пояса.

Я переглянулась с Дарианом, но он сидел с непроницаемым лицом.

— А почему у вас так боятся чужаков? – спросила я. – Мне сегодня ни в одном доме даже слова доброго не сказали.

Тимка поёрзал на завалинке и понизил голос.

— Из-за Яся. Это мельников сын. Летом к ним чужак тоже ночевать просился, а после ушёл в город и донёс Тёмным плащам, будто Ясь во сне с шаманами разговаривает. Они приехали ночью и забрали его. С тех пор никто его не видал. А мельничиха с тех пор не говорит ни с кем.

Над нами повисла тишина. Огонь в печке тихо потрескивал, где-то за лесом ухнула сова. Я посмотрела на Дариана и

увидела, как его пальцы на колене сжались в кулак.

— Мне пора, — спохватился Тимка и вскочил на ноги. — Тётка ругаться будет, что я затемно шастаю.

— Подожди, — я поднялась следом. — Возьми с собой похлёбку для братьев и сестёр. У меня найдётся горшок с крышкой.

Мальчишка уставился на меня круглыми глазами, не веря своему счастью. Я сходила на кухню, выбрала самый крепкий из уцелевших горшков и наполнила его похлёбкой почти до краёв, а сверху плотно прикрыла крышкой. Тимка прижал горшок к груди обеими руками, а тыкву Дариан молча сунул ему под мышку.

— Горшок верну, — пообещал Тимка. — Честное слово, верну.

— Вернёшь, и я тебя снова накормлю, — улыбнулась я.

Он кивнул и побежал по тропинке к калитке, стараясь не расплескать ни капли. У самой калитки он обернулся и хотел что-то сказать, но передумал и исчез в сумерках.

Я долго смотрела ему вслед. Ещё утром эта деревня казалась мне глухой стеной, за которую невозможно пробиться. А потом пришёл голодный мальчишка, и миска горячей похлёбки за один вечер сделала то, чего не смогли ни мои улыбки, ни медные эстоны. Он рассказал мне про старосту, про Ольду, про мельникова сына и про то, почему здесь никто не трогает тыквы, и уходил отсюда уже не воришкой, а почти другом.

— Я знаю, что нам делать, — сказала я, повернувшись к Дариану.

— Нам с тобой? — он чуть приподнял бровь.

— Через три дня, когда староста придёт нас выгонять, здесь будет пир. Я накормлю всю деревню.

Дариан помолчал, глядя на огонь в устье печки.

— Людей, которые захлопывали перед тобой двери, — наконец сказал он.

— Людей, которые второй год голодают и боятся каждого чужака, — возразила я. — Тимка за две миски похлёбки рассказал мне больше, чем вся деревня за целый день. Пусть они сначала попробуют то, что я приготовлю, а потом решают, гнать меня или нет.

— Староста не придёт, а остальные побоятся пойти против его слова.

— Дети придут первыми, они уже завтра будут знать, что здесь кормят, — я невольно улыбнулась, представив себе Тимку, который прямо сейчас хвастается братьям и сёстрам. — А за детьми придут матери, потому что ни одна мать не отпустит своего ребёнка одного к ведьминому дому.

Дариан повернулся ко мне, и в свете огня я увидела, что уголок его губ дрогнул.

— И чем ты собираешься кормить всю деревню? Двумя оставшимися зайцами?

— Тыквами, — уверенно ответила я. — Их там целое поле. Я запеку в них мясо с овощами, бабушка делала так на

праздники, только в печи. А здесь можно запечь в земле под костром, если правильно выкопать яму. Но мне нужно много мяса, гораздо больше, чем пара зайцев.

Пока я говорила, солнце окончательно скрылось, и с леса потянуло сырым холодом. Я поёжилась и обхватила себя руками, а Дариан, не говоря ни слова, поднялся, снял с себя плащ и накинул мне на плечи. Плащ был тяжёлым и ещё хранил тепло его тела, и я невольно закуталась в него до самого подбородка.

— В низине за мельницей кабаньи тропы, — сказал он, глядя куда-то в темноту за забором. — Если повезёт, за два дня добуду.

— Значит, ты поможешь? — я подняла на него глаза.

— Значит, дорога всё равно не просохнет раньше, чем через три дня, — ответил он и подбросил в печку полено. — А сидеть без дела я не привык.

Я спрятала улыбку в складках его плаща. Он мог сколько угодно говорить о дорогах и бродах, но я уже начинала понимать, что за его скупыми словами всегда скрывается что-то большее.

В дом мы вернулись, когда похлёбка в котелке совсем остыла. Я убрала её в погреб, чтобы утром разогреть на завтрак, а Дариан разжёл камин и снова расстелил одеяло на полу, хотя я ещё раз предложила поискать для него кровать наверху. Он только отмахнулся и сказал, что на полу ему спится лучше.

Я уснула почти сразу, едва голова коснулась подушки, но среди ночи проснулась от тихого шороха. Огонь в камине прогорел до углей, и в его красноватом свете я разглядела Дариана. Он сидел у очага, подтянув колени к груди, и смотрел на тлеющие поленья. Я уже хотела окликнуть его и спросить, почему он не спит, когда он заговорил сам, так тихо, что я едва различала слова:

— Прости меня, Ольда. Я пришёл слишком поздно.

Я затаила дыхание и закрыла глаза, притворившись спящей. Сердце стучало громко и часто, а в голове крутился один-единственный вопрос: кем была для него одинокая старуха, которую вся деревня считала ведьмой?

Глава 4

Когда я проснулась, Дариана в доме уже не было. Угли в камине были старательно присыпаны золой, а на полу у очага остались только сложенное одеяло и миска с ложкой, вымытые и перевёрнутые доньшком вверх. Лук и колчан, которые накануне стояли у двери, исчезли вместе с хозяином, и я поняла, что он ушёл в низину за мельницей ещё затемно.

Я разогрела вчерашнюю похлёбку на уличной печке, позавтракала прямо на завалинке и, не теряя времени, отправилась на тыквенное поле. До прихода старосты оставалось два дня, и за эти два дня мне нужно было сделать столько, что от одной мысли об этом кружилась голова.

Я ходила между плетями, раздвигала мокрые лопухи и считала. Деревня была небольшой, дворов тридцать, может, чуть больше, и если в каждом жило хотя бы по четыре человека, то кормить предстояло больше сотни ртов. Самые крупные тыквы, в которые можно было бы уложить мясо, лук и морковь, я помечала, повязывая на плодоножку пучок травы. Таких набралось двенадцать, и каждая весила столько, что я едва могла её приподнять, не говоря уже о том, чтобы донести до дома.

Я как раз пыталась сдвинуть с места очередную тыкву, упираясь в неё обеими руками, когда за спиной раздался знакомый голос:

— Так её не укажишь, она плетью держится. Сначала отломать надо.

У края поля стоял Тимка с вчерашним горшком в руках, начищенным до блеска. За его спиной жались ещё трое: веснушчатый мальчишка чуть помладше, девочка лет шести с двумя тощими косичками и совсем крошечная девчушка в рубашонке до пят, которая держалась за подол старшей сестры и смотрела на меня огромными серьёзными глазами.

— Я горшок принёс, как обещал, — сказал Тимка и протянул его мне. — А это Федька, Марыська и Устя. Они тоже хотели посмотреть на ведьмин огород.

— На огород или на похлёбку? — спросила я, принимая горшок.

Федька тут же покраснел, а Тимка ничуть не смутился.

— И на то, и на другое. Тётка вчера весь горшок нам разделила, а сама даже ложки не взяла. Сказала, что тыквой брезгует. Только потом я видел, как она его пальцем дочиста вытирала.

Я рассмеялась, и дети, переглянувшись, несмело заулыбались в ответ.

— Похлёбки сегодня не будет, — призналась я, и их лица тут же вытянулись. — Но если поможете мне, я напеку вам тыквы в углях, а вечером угощу кое-чем вкусным, чего вы точно никогда не пробовали.

— А чего делать надо? — деловито спросил Тимка.

— Мне нужно перенести вот эти тыквы к дому, — я пока-

зала на помеченные пучками травы плоды. — Все двенадцать.

Федька присвистнул, а Марыська недоверчиво оглядела ближайшую тыкву, которая была ей почти по пояс.

— Зачем тебе столько? — спросил Тимка. — Ты что, свиней заводить собралась?

— Я собралась устроить праздник, — ответила я. — Через два дня здесь будет пир на всю деревню, и в каждой тыкве будет запечено мясо с овощами.

Дети усталились на меня так, что мне стало неловко. Слово “пир” явно не вязалось у них ни с тыквами, ни с ведьминым домом, ни уж тем более с чужачкой, которую староста велел выгнать за три дня.

— Мамка ни в жисть не пойдёт, — наконец сказал Федька.

— А мы посмотрим, — подмигнула я.

Тыквы мы катили вчетвером, Устя только путалась под ногами и радостно визжала всякий раз, когда очередная тыква переваливалась через кочку. Тимка оказался прав: сначала приходилось долго возиться с толстыми, жёсткими плетями, которые не желали отпускать свои плоды. Ножом их было не взять, и я вспомнила о топоре, которым Дариан колот дрова. С топором дело пошло быстрее, но к тому времени, когда последняя тыква выстроилась у стены дома, солнце стояло уже высоко, а я взмокла насквозь. Дети же, напротив, раскраснелись от удовольствия и наперебой спорили, чья тыква самая большая.

Я выбрала тыкву поменьше, разрежала её пополам и, вы-

чистив семечки, зарыла половинки в горячие угли уличной печки. Пока они пеклись, я разложила семечки на чистой тряпице и принялась отделять их от волокнистой мякоти.

— А это ты зачем? — Марыська присела рядом и с любопытством уставилась на белые, скользкие семечки.

— Это и есть то, чем я угощу вас вечером, — ответила я. — Хочешь помочь?

Она кивнула так энергично, что косички подпрыгнули, и мы вдвоём принялись за дело. Марыська оказалась самой старательной из всех: её тонкие пальчики ловко выбирали семечки, а потом она раскладывала их на тряпице ровными рядками, и рядки эти выходили такими аккуратными, что любо было посмотреть.

Пока мы возились с семечками, я расспрашивала детей о деревне, и они, перебивая друг друга, рассказывали обо всём на свете. О том, что у мельницы есть пруд, в котором водятся раки, только мельничиха никого туда не пускает с тех пор, как забрали её Яся. О том, что за огородами течёт речка, а у Глиняного яра берег такой скользкий, что Федька прошлым летом съехал по нему прямо в воду. О том, что староста держит в амбаре злого пса и запирает его на три замка. О том, что бабка Ольда пекла по праздникам пироги, и запах от них стоял на всю улицу.

— Глиняный яр, — повторила я. — А глина там хорошая? Липкая?

— Ещё какая, — с гордостью подтвердил Федька. — Мамка

штаны потом три дня отстирывала.

Это была лучшая новость за утро. Без глины мой замысел мог провалиться: тыквы, зарытые в землю под костёр, сгорели бы снаружи раньше, чем пропеклись внутри. Бабушка рассказывала, что в старину птицу обмазывали глиной и запекали в углях, а когда глина твердела и трескалась, её снимали вместе с перьями. С тыквами должно было получиться не хуже. Если обмазать их толстым слоем глины, жар будет проникать внутрь медленно и равномерно, а мясо успеет протомиться в собственном соку.

Когда половинки тыквы пропеклись, я выложила их на доску и раздала детям по куску. Тимка, уже знавший, чего ожидать, принялся за еду без всяких колебаний. Федька и Марыська сначала долго нюхали и разглядывали свои куски, а потом осторожно откусили, и их лица вытянулись от удивления.

— Сладкая, — недоверчиво протянула Марыська. — А тётка говорит, тыква пресная и только для свиней.

— Тётка просто не умеет её готовить, — важно ответил за меня Тимка.

Я спрятала улыбку и протянула маленький кусочек Усте. Малышка взяла его обеими руками, откусила, распробовала и тут же потребовала ещё, протягивая ко мне пустые ладошки.

После обеда мы отправились к Глиняному яру. Дети шли впереди, показывая дорогу, а я тащила за ними два ведра и

ржавую лопату, которую с утра отчистила песком и золой. Речка оказалась неширокой, но быстрой и прозрачной, с каменистым дном и ивами, низко склонившимися над водой. Глиняный яр начинался там, где берег круто поднимался вверх и обнажал рыжевато-серые пласты. Федька с разбегу прыгнул на скользкий склон, тут же съехал вниз и с хохотом шлёпнулся в мелкую воду у самого берега.

— Я ж говорил, что скользко! — крикнул он, поднимаясь и отряхиваясь.

Глина и правда оказалась отменной: жирной, пластичной и такой липкой, что лопата увязала в ней по самый черенок. Я наполнила оба ведра и попросила Тимку с Федькой помочь их донести, а сама прихватила охапку широких листьев лопуха, которые росли у самой воды. Листьями я собиралась обернуть тыквы перед тем, как обмазать глиной, чтобы потом её было проще снять.

Мы ходили к яру ещё дважды, и к концу дня у стены дома выросла внушительная куча глины, накрытая мокрой мешковиной, чтобы не пересохла. Дети перемазались с головы до пят, а Устя и вовсе уснула прямо на лопухах в тени, обняв маленькую тыквочку. Я присела рядом с ней, вытирая лоб тыльной стороной ладони, и окинула взглядом свои владения. Двенадцать тыкв, куча глины, ворох лопухов и одичавший огород, по которому носились трое чумазных ребятишек. Не так уж плохо для одного дня.

Солнце клонилось к лесу, когда я поставила на огонь в

уличной печке старую чугунную сковороду, которую нашла утром на кухне и отчистила песком до блеска. Семечки на тряпице за день успели подсохнуть на солнце. Сырыми их жарить нельзя: на сковороде они не зажарятся, а распарятся в собственной влаге и станут резиновыми. Я высыпала их на раскалённое сухое дно, без капли жира. Они затрещали, запрыгали и начали понемногу темнеть, а я помешивала их деревянной лопаткой, не давая подгореть. Минут через десять, когда семечки стали золотистыми и начали лопаться с тихим щелчком, я посыпала их солью из мешочка Дариана, перемешала ещё раз и сняла сковороду с огня.

— Это и есть угощение? – разочарованно протянул Федька, заглядывая в сковороду. – Семечки?

— Попробуй сначала, а потом будешь кривиться, – сказала я и насыпала каждому по пригоршне.

Тимка первым сунул семечку в рот, разгрыз её вместе со шкуркой и задумчиво пожевал. Потом взял вторую, третью, и я увидела, как его брови медленно поползли вверх.

— Их можно и чистить, – подсказала я и показала, как разгрызть шкурку и достать зелёное ядрышко. – Но и со шкуркой тоже вкусно.

Через несколько минут от угощения остались одни шкурки, разбросанные по завалинке, а дети смотрели на сковороду с такой тоской, что я насыпала им ещё. Именно в этот момент калитка с грохотом распахнулась, и во двор влетела тётка Рафель.

Я узнала её сразу: острый нос, сжатые в нитку губы, платок, повязанный туго и аккуратно. В руках она держала хвостину и, судя по лицу, была готова пустить её в ход немедленно.

— Тимка! — завопила она на всю улицу. — Я так и знала, что ты опять у ведьминого дома ошиваешься! Мало того, что сам шастаешь, так ещё и моих сюда притащил! А ну живо домой, пока я вам всем уши не надрала!

Федька и Марыська бросились к ней, на ходу пряча за спиной горсти семечек, а Тимка остался сидеть на завалинке, упрямо выпятив подбородок.

— Мы не шастали, мы помогали, — буркнул он. — Тыквы катали и глину носили. А она нас кормила.

— Кормила, — прошипела тётка Рафель и перевела на меня взгляд, от которого у меня по спине побежали мурашки. — Свиным кормом детей кормила, да ещё и с ведьминого огорода. Ты бы, приبلуда, своих нарожала и их бы чем хочешь кормила, а моих не трожь!

— Добрый вечер, — я поднялась ей навстречу и постаралась, чтобы мой голос звучал спокойно и приветливо. — Простите, что задержала детей так поздно. Они очень помогли мне сегодня, и я не могла отпустить их голодными.

— Голодными, — эхом повторила она, и её острый нос, казалось, заострился ещё сильнее. — А тебе-то какая печаль, голодные они или нет? Ты себе думаешь, раз пришла, так и законы тебе не писаны? Староста велел тебя гнать, и вся де-

ревня так считает. А ты моих детей привадить решила, чтоб потом Тёмные плащи и на наш двор пришли?

— Я никого не собираюсь приваживать, — возразила я. — И Тёмные плащи сюда не придут, если никто их не позовёт.

— Мельничиха тоже так думала, — отрезала тётка Рафель. — А теперь глядит на мельничное колесо и молчит. Устя! Где Устя?!

Её голос дрогнул, и я вдруг поняла, что за всей этой злостью прячется страх. Она пришла сюда не ругаться, а забрать своих детей из места, которое казалось ей опасным, и боялась она так сильно, что эта боязнь превращалась в крик.

— Она спит, — тихо сказала я и кивнула на лопухи у стены. — Наелась тыквы и уснула, я не стала её будить.

Тётка Рафель обернулась и замерла. Устя спала, свернувшись калачиком на лопухах, щека её была перемазана глиной, а маленькая тыковка так и осталась зажатой в руках. Тётка опустила хворостину, подошла к дочке и присела рядом, осторожно убирая с её лица растрепавшиеся волосы. Устя что-то пробормотала во сне и улыбнулась, не открывая глаз.

— Давно она так не спала, — еле слышно проговорила тётка Рафель, и я не была уверена, что она обращается ко мне. — Всё ночами плачет, есть просит.

Я опустилась на завалинку и не стала ничего говорить. Тётка Рафель ещё какое-то время сидела рядом с дочкой, а потом подняла её на руки, прижала к себе и выпрямилась.

Злость с её лица исчезла, осталась только усталость, и я впервые заметила, что она совсем не старая, просто измождённая.

— Возьмите, — я насыпала в чистую тряпицу несколько пригоршней семечек, завязала узелком и протянула ей. — Это тыквенные семечки, жареные с солью. Дети уже распробовали.

Тётка Рафель посмотрела на узелок с подозрением.

— Семечки? Это из тыквы, что ли?

— Попробуйте одну, — предложила я. — Если не понравится, отдадите курам.

Она поколебалась, но всё-таки взяла одну семечку свободной рукой, недоверчиво повертела её в пальцах и сунула в рот. Разгрызла, пожевала, и брови у неё медленно поползли вверх. Потом она взяла вторую, третью и спохватилась только тогда, когда Федька громко хихикнул.

— Ну, щёлкать можно, — с напускной небрежностью сказала она и забрала у меня узелок. — У колодца бабам дам, пушай тоже поглядят, чем ведьма детей кормит.

— Конечно, дайте, — согласилась я. — И скажите им, что через два дня я устраиваю проводы.

Тётка Рафель замерла уже у калитки.

— Какие ещё проводы?

— Староста дал мне три дня, чтобы уйти, — ответила я. — Вот я и хочу проститься с деревней по-людски. Напеку тыкв с мясом и накрою стол на всех, кто придёт. На проводы ведь

прийти не грех? Даже если староста кого-то выгоняет.

Она смотрела на меня долго и пристально, и я видела, как в её глазах борются подозрение и любопытство.

— Мяса у тебя нету, — наконец сказала она.

— Мясо будет к сроку, — уверенно ответила я, хотя сама не знала, вернётся ли Дариан сегодня с добычей.

Тётка Рафель хмыкнула, перехватила Устю поудобнее и вышла за калитку, не прощаясь. Федька и Марыська побежали за ней, а Тимка задержался, чтобы дожевать последнюю семечку.

— Она у колодца всем расскажет, — шепнул он мне с видом заговорщика. — Тётка без новостей и дня не может, а тут такое. К утру вся деревня знать будет.

— На это я и рассчитываю, — так же шёпотом ответила я.

Тимка ухмыльнулся до ушей и вприпрыжку припустил догонять родню.

Двор опустел, и в наступившей тишине стало слышно, как в лесу перекликаются птицы, устраиваясь на ночлег. Я собрала шкурки от семечек, вымыла сковороду и только тогда поняла, что Дариан до сих пор не вернулся.

Сначала я не тревожилась. Охота — дело небыстрое, а он ушёл ещё затемно и мог забраться далеко за мельницу. Я занялась домом: разожгла камин, перетряхнула одеяла и вынесла проветриться подушку, которая за год пропиталась сыростью. Потом вспомнила про сундук в дальней комнате, где накануне мы нашли постельное бельё. Под бельём, на самом

дне, лежала завёрнутая в холстину связка свечей, толстых, жёлтых, из настоящего воска, и я решила, что лучшего случая, чтобы их зажечь, не найти.

Я расставила свечи в уцелевших плошках вдоль камина и на столе, придвинула кровать поближе к огню, накрыла её одеялом и бросила сверху ещё одно, свёрнутое валиком, чтобы можно было опереться спиной. В котелке над огнём томился отвар из шиповника, который я обобрала с кустов у калитки, а в деревянной миске на краю стола горкой возвышались оставшиеся семечки. Когда всё было готово, я отступила на шаг и окинула горницу взглядом. Потолок с тёмными балками, каменные стены, лужицы под прохудившейся крышей и рядом – тёплый островок света, где можно было свернуться калачиком и забыть обо всём на свете.

Бабушка бы сказала, что я развожу баловство, но мне было всё равно.

Время шло, свечи оплывали, а Дариана всё не было. Я то садилась у огня, то подходила к окну и вглядывалась в темноту за забором, где уже ничего нельзя было разобрать. Мне вспомнились его слова о кабанных тропах в низине, и воображение тут же услужливо подбросило картинку: огромный разъярённый кабан, клыки, кровь на прелых листьях... Я тряхнула головой, отгоняя дурные мысли, и подбросила в камин полено. Он взрослый мужчина, у него лук и кинжал, и в лесу он явно чувствует себя увереннее, чем я в собственной кухне.

Дверь скрипнула, когда я уже начала клевать носом, сидя на краю кровати. Дариан вошёл, низко нагнувшись под притолокой, и остановился на пороге. С его плаща капала вода, сапоги были облеплены грязью до самых колен, а лицо в свете свечей казалось осунувшимся и мрачным. За плечом у него висел лук, но никакой добычи с ним не было.

— Ты не спишь, — сказал он, и в его голосе мне послышалось недовольство.

— Я тебя ждала, — ответила я, поднимаясь ему навстречу. — На улице давно стемнело, я уже начала волноваться.

— Волноваться было не о чем.

Он стянул плащ, повесил его на гвоздь у двери и только тогда огляделся. Его взгляд скользнул по горящим свечам, по кровати с наваленными на неё одеялами, по котелку над огнём и миске с семечками, и брови его медленно сдвинулись к переносице.

— Что это ты здесь устроила?

— Ужин, — я кивнула на котелок. — Вернее, то, что от него осталось. Похлёбку мы доели утром, так что могу предложить только отвар из шиповника и печёную тыкву. Садись к огню, ты весь промок.

— Я спрашиваю про свечи, — он не сдвинулся с места. — Ты спалила их целую связку.

— Не целую, а только половину, — возразила я. — И не спалила, а зажгла. Садись же, я налью тебе отвара.

Дариан какое-то время смотрел на меня так, что я ждала

нового упрёка. Но он молча прошёл к камину, стянул сапоги и опустился на пол у огня, прислонившись спиной к кровати, хотя места на ней хватало на двоих. Я налила отвар в деревянную миску и протянула ему, а потом поставила рядом тарелку с тыквой и миску с семечками.

— Кабан ушёл, – глухо сказал он, обхватив миску ладонями. – Я шёл за ним от самого рассвета, дважды выходил на выстрел и дважды упускал. Последний раз он ушёл в болото за низиной, а туда в темноте соваться нельзя.

— Значит, завтра выйдешь снова, – сказала я и села рядом с ним на край кровати.

— Значит, завтра у тебя может не оказаться мяса, – он повернул голову и посмотрел на меня снизу вверх. – Ты пообещала всей деревне пир, а я вернулся с пустыми руками.

— Откуда ты знаешь, что я пообещала?

— Я проходил мимо колодца, когда возвращался, а бабы там до сих пор судачат, – хмыкнул он. – Говорят, ведьма устраивает себе проводы и накормит всех, кто не побоится.

Я не удержалась от улыбки. Тётка Рафель не стала дожидаться утра.

— Тогда тем более нужно было зажечь свечи, – сказала я. – Сегодня был хороший день, и его стоило закончить хорошо, даже если кабан ушёл.

Дариан отпил отвара и некоторое время молча смотрел на огонь. Потом взял из миски семечку, повертел в пальцах и разгрыз вместе со шкуркой.

— Ты так и не ответила, зачем всё это, — сказал он, кивнув на свечи. — Мы не знаем, где окажемся послезавтра. Староста грозит выгнать нас за порог, в деревне на тебя смотрят волком, а ты наводишь здесь уют... — он запнулся, подбирая слово, — на долгие годы вперёд.

— А может, и собираюсь, — ответила я и подтянула колени к груди, завернувшись в одеяло. — У нас в деревне это называли “хюгге”.

— Хюгге, — медленно повторил он, пробуя на вкус незнакомое слово. — Это на каком наречии?

— На северном, — уклончиво ответила я. — Моя деревня так далеко на севере, что ты о ней и не слышал. Зимы там длинные и тёмные, солнце показывается всего на несколько часов, а ветер дует так, что выходить из дома не хочется. И люди там придумали, как не сойти с ума от холода и темноты. Зажигают свечи, укрываются тёплыми одеялами, пьют горячее, собираются у огня с теми, кто им дорог, и разговаривают обо всём на свете. Хюгге — это когда снаружи буря, а у тебя тепло, светло и спокойно, и ты знаешь, что сейчас, в эту самую минуту, с тобой ничего плохого не случится.

Я говорила и сама удивлялась тому, как легко у меня получается. Когда-то, ещё до аварии, я прочитала о хюгге в какой-то яркой книжке с фотографиями пледов и свечей, и тогда это показалось мне милой выдумкой для тех, у кого слишком много свободного времени. А потом были больничные палаты, бесконечные реабилитации, коляска, бабуш-

кина болезнь и похороны, и я поняла, что хюгге – вовсе не про плоды. Это про умение создать себе маленький островок тепла, когда весь остальной мир рушится.

— Уют – роскошь для тех, кому нечего бояться, – сказал Дариан, не отрывая взгляда от огня.

— Наоборот, – возразила я. – Уют нужнее всего тем, кому страшно. Когда тебе хорошо и спокойно, ты и без свечей проживёшь. А когда за дверью ходит беда, тебе нужно место, где можно перевести дух и набраться сил, чтобы утром снова выйти ей навстречу.

Он ничего не ответил, только снова отпил из миски, и я заметила, что его плечи, напряжённые с той самой минуты, как он вошёл в дом, понемногу опускаются. Он больше не сидел так прямо, привалился спиной к кровати и вытянул к огню босые ноги, а его рука снова и снова тянулась к миске с семечками.

— Там, где я вырос, у огня только чистили оружие и обсуждали, кто кого предаст, – вдруг сказал он, так тихо, что я едва расслышала. – Свечи жгли, когда нужно было дописать донесение до рассвета.

Я замерла, боясь спугнуть эту неожиданную откровенность, но Дариан больше ничего не добавил. Он допил отвар, отставил миску в сторону и закрыл глаза, а я сидела рядом, слушала, как потрескивают дрова, и думала о том, что этот суровый, молчаливый человек вряд ли хоть раз в жизни сидел у огня просто так, ни от кого не таясь и ни к чему не

готоваясь.

Я и сама не заметила, как уснула прямо так, сидя, завернувшись в одеяло, а проснулась уже под утро, лёжа на кровати и укрытая сразу двумя одеялами. Свечи были погашены все до единой, огарки аккуратно собраны в одну плоску, а Дариана в доме уже не было.

Утро выдалось холодным и ясным, на траве серебрилась роса, а над речкой стелился туман. Не успела я разжечь уличную печку, как у калитки снова показался Тимка, и на этот раз с ним пришли не трое, а семеро ребятшек всех возрастов. Двоих я не знала вовсе, а один, самый старший, лет двенадцати, держался в стороне и смотрел исподлобья.

— Это Митька, мельников племянник, — шепнул мне Тимка. — Он не верил, что у тебя семечки есть, вот и пришёл проверить.

— Семечки будут вечером, — объявила я, оглядывая свою маленькую армию. — А сейчас нам нужно выкопать яму, натаскать с речки камней и вычистить двенадцать тыкв. Кто со мной?

Семь рук взметнулись вверх, и даже угрюмый Митька после короткого колебания поднял свою.

Работа закипела. Место для ямы я выбрала в дальнем углу двора, подальше от дома и сарая, там, где когда-то, судя по почерневшим камням, уже разводили костёр. Копали мы по очереди: я и Митька лопатой, а младшие выгребали землю руками и деревянными плоскими. Остальные под пред-

водительством Тимки ходили на речку за плоскими камнями и таскали их в подолах и корзинах. К полудню яма была готова, широкая и неглубокая, по колено взрослому человеку, а её дно и стенки мы выложили речными камнями.

Потом мы принялись за тыквы. Я срезала с каждой верхушку, оставляя её целой, чтобы потом закрыть, как крышкой, а дети ложками выскребали изнутри семечки и волокна. Семечки мы откладывали в большую корзину, и к концу работы она наполнилась почти доверху. Марыська снова раскладывала их сушиться ровными рядками, и никто не смел ей мешать.

— А мясо где? — спросил Митька, когда последняя тыква была вычищена и выстроилась у стены рядом с остальными.

Этот вопрос мучил и меня саму. Дариан ушёл до рассвета, и я понятия не имела, вернётся ли он сегодня с добычей. Если нет, мне придётся печь тыквы с одними овощами, а это совсем не то, что я обещала деревне.

— Мясо будет к вечеру, — ответила я, стараясь, чтобы голос звучал уверенно.

Митька хмыкнул, но спорить не стал.

После обеда, когда дети, наевшись печёной тыквы, разбрелись по двору, у калитки остановилась знакомая телега. Сам староста сидел на облучке, держа вожжи в руках, и смотрел на мой двор, на вычищенные тыквы, на яму, на кучу глины и на ребятишек, которые при виде него притихли и спрятались за мою юбку.

— Готовишься, значит, — сказал он, растягивая слова. — Проводы, значит, устраиваешь.

— Вы сами дали мне три дня, чтобы уйти, — ответила я, подходя к калитке. — Завтра третий день. Я хочу проститься с деревней, как полагается.

— Проститься, — повторил он и сплюнул на землю. — Знаю я, чего ты хочешь. Задурить людям головы, чтоб за тебя заступились. Только ничего у тебя не выйдет. Я уж по дворам прошёлся и всем сказал: кто к прибуде на проводы пойдёт, тому зимой зерна в долг не дам. А зима нынче будет долгая.

Я почувствовала, как внутри всё похолодело. Зерно в долг для голодной деревни значило больше, чем любой пир, и староста прекрасно это понимал.

— Тогда приходите вы, — сказала я, глядя ему прямо в глаза. — Вы ведь хотели убедиться, что я ухожу. Вот и посмотрите своими глазами.

Староста прищурился, пытаясь понять, не насмехаюсь ли я над ним, а потом дёрнул вожжи.

— Приду, — бросил он. — Только не есть, а поглядеть, как вы отсюда убираться будете. И мужиков с собой прихватчу.

Телега тронулась и покатила по улице, разбрызгивая лужи, а я ещё долго стояла у калитки, сжимая руками мокрые от росы колья забора.

— Он всегда так, — тихонько сказал Тимка, выбираясь из-за моей спины. — Всех пугает зерном. Тётка говорит, у него амбары до крыши, а он даёт в долг, а потом отбирает втрое.

Я кивнула и заставила себя улыбнуться. Детям незачем было видеть, как мне страшно.

К вечеру мы замесили глину. Я поливала её водой из ведра, а дети месили босыми ногами, визжа и хохоча, пока она не стала мягкой и податливой. Потом я показала им, как обернуть тыкву листьями лопуха и обмазать сверху толстым слоем глины. Тыквы пока стояли пустыми, и обмазывать их было рано, но Устя так старалась, что я не стала её останавливать и разрешила облепить глиной маленькую тыковку, которую она с вечера не выпускала из рук.

Солнце садилось, детей одного за другим уводили домой матери и старшие сёстры. Ни одна из женщин не заговорила со мной, но и ругаться, как вчера тётка Рафель, тоже никто не стал. Они только окидывали взглядом двор, задерживались на тыквах и яме, а потом молча уводили своих чад. Тимка ушёл последним, и я осталась одна.

Дариан не вернулся и к темноте.

Я снова зажгла свечи, снова поставила на огонь котелок с отваром и снова ходила от окна к двери. Но в этот раз какое хюгге не помогало. Перед глазами стояли кабаньи клыки и болото за низиной, куда, как он сам сказал, в темноте соваться нельзя. Когда луна поднялась над лесом, я не выдержала, взяла с полки старый фонарь, который нашла днём в сарае, вставила в него свечу и вышла за калитку.

Тропинка к мельнице шла вдоль речки, и в лунном свете вода блестела холодным серебром. Мельница стояла на

краю деревни, тёмная и тихая, огромное колесо неподвижно застыло над запрудой. У самой воды я заметила женщину в тёмном платке. Она стояла совершенно неподвижно и смотрела на колесо, и сердце у меня ёкнуло, когда я поняла, кто это.

— Простите, – тихо окликнула я её. – Вы не видели здесь мужчину с луком? Высокий, в тёмном плаще. Он ушёл на охоту ещё до рассвета и до сих пор не вернулся.

Мельничиха медленно повернула голову. Лицо у неё было бледным и неподвижным, а глаза смотрели куда-то сквозь меня. Она ничего не сказала, только подняла руку и указала на низину, где за редкими деревьями начинался густой ельник.

— Спасибо, – прошептала я.

Она снова отвернулась к колесу, а я поспешила дальше, туда, куда она показала. Тропинка спускалась в низину, под ногами чавкала грязь, ветки цеплялись за юбку. Я уже начала жалеть о своей затее, когда впереди, за деревьями, послышался треск и тяжёлое, сбивчивое дыхание.

— Дариан? – позвала я, поднимая фонарь повыше.

Треск стих, и из темноты донёсся его голос, хриплый и раздражённый:

— Какого лешего ты здесь делаешь?

Я пошла на голос и через несколько шагов увидела его. Дариан стоял, тяжело опираясь на ствол ели, а у его ног на волокуше из связанных еловых лап лежала туша огромного

кабана. Клыкастая голова зверя запрокинулась набок, щетина на загривке слиплась от крови.

— Ты его добыл! – выдохнула я и тут же осеклась.

В свете фонаря я разглядела, что рубаха на левом боку Дариана потемнела и прилипла к телу, а сам он стоит, чуть согнувшись, и держит руку у пояса.

— Ты ранен, – я бросилась к нему. – Он тебя задел?

— Кабан меня не тронул, – Дариан выпрямился, и я видела, каких усилий это ему стоило. – Старая рана открылась, когда тащил. Ничего страшного.

— Ничего страшного? – я поднесла фонарь ближе к его боку, и он отвёл мою руку. – У тебя вся рубаха в крови!

— Не кричи, кабана распугаешь, – с усмешкой сказал он.

— Кабан уже никуда не убежит, – огрызнулась я, и от этого он, кажется, усмехнулся ещё шире. – Давай сюда волокушу. Поташим вместе.

— Ты её и с места не сдвинешь.

— Вот сейчас и проверим.

Я сунула ему фонарь, ухватилась за ремень волокуши и потянула изо всех сил. Волокуша не шелохнулась. Я упёрлась ногами в землю и потянула снова, и на этот раз она тяжело проползла по мокрым листьям на целую ладонь. Дариан молча смотрел на мои старания, а потом вздохнул, перехватил ремень рядом с моими руками, и мы потянули вместе.

До дома мы добирались очень долго. Мы останавливались через каждые несколько десятков шагов, чтобы перевести

дух, и я видела, что Дариан бледнеет с каждым разом всё сильнее, хотя он ни разу не пожаловался. Когда мы проходили мимо мельницы, мельничихи у колеса уже не было. Тушу мы втащили в сарай, и Дариан подвесил её на крюк под толком, хотя я видела, как у него дрожат руки.

— А теперь в дом, – сказала я тоном, не терпящим возражений. – И снимай рубаху.

Он не стал спорить. Похоже, сил на споры у него уже не осталось.

В горнице я усадила его на кровать у самого камина, а сама поставила на огонь котелок с чистой водой. Пока вода закипала, я сбегала на огород и при свете фонаря нарвала у забора тысячелистника, который заметила ещё вчера, когда искала лук. Бабушка всегда прикладывала его к ссадинам и порезам и говорила, что лучше него кровь не остановит ни одна аптечная мазь.

Когда я вернулась, Дариан уже снял рубаху и сидел, наклонившись вперёд и упираясь локтями в колени. В свете огня его плечи и спина отливали бронзой, на коже белели старые шрамы, тонкие и давно зажившие. Но на левом боку, чуть выше пояса, была повязка из грубого холста, насквозь пропитанная кровью.

— Сиди смирно, – велела я и, опустившись перед ним на колени, начала осторожно разматывать повязку.

Ткань присохла к ране, и мне пришлось размачивать её тёплой водой, прежде чем она поддалась. Дариан не издал

ни звука, только мышцы на его животе напряглись, когда я сняла последний слой. Я затаила дыхание. Под повязкой открылась рана, круглая, с неровными краями, уже затянувшаяся по краям молодой розовой кожей, но в середине снова разошедшаяся и сочащаяся кровью.

За два года в больницах я насмотрелась на раны и перевязки столько, что могла бы, наверное, сама работать медсестрой. И я знала, что так выглядит не порез и не укус. Так выглядит рана от стрелы, вошедшей глубоко, а потом вырванной вместе с наконечником. И по тому, как затянулись края, ей было от силы месяц, может, полтора.

— Это не старая рана, – тихо сказала я, промывая её отваром тысячелистника.

— Достаточно старая, чтобы не обращать на неё внимания, – ответил он сквозь зубы.

— Это ведь от стрелы?

— От стрелы, – подтвердил он после короткой паузы. – Если ты собираешься расспрашивать, то лучше не надо. Я всё равно не отвечу.

— Я не собираюсь расспрашивать, – сказала я и приложила к ране размятые листья тысячелистника. – Ты же не расспрашиваешь меня, почему я шла по дороге босиком под дождём.

Он ничего не ответил, но я почувствовала, как его взгляд остановился на моём лице. Я старалась на него не смотреть и сосредоточилась на перевязке. Разорвала на полосы одну из

Ольдиных накрахмаленных простыней, сложила подушечку из чистого льна и стала обматывать его вокруг пояса, стараясь затянуть потуже, но не перетянуть. Для этого мне приходилось наклоняться к нему совсем близко, обводить руками его спину, и каждый раз, когда мои пальцы касались его кожи, я чувствовала, как под ними вздрагивают мышцы. От его тела исходил жар, и я не знала, от огня это или от раны.

Когда я завязала последний узел и подняла голову, Дариан смотрел на меня сверху вниз, и его лицо оказалось так близко, что я видела отражение огня в его тёмных глазах. Он медленно поднял руку и взял меня за запястье, чуть сжав пальцы.

— Ты дрожишь, – сказал он.

Только тогда я поняла, что у меня действительно трясутся руки. Весь вечер я держалась, пока искала его в темноте, пока тащила волокушу, пока промывала рану, а теперь, когда всё было позади, страх, который я так долго гнала от себя, накрыл меня с головой.

— Я испугалась, когда ты не вернулся, – призналась я, и голос предательски дрогнул. – Я думала, что тебя задрал кабан, или ты утонул в болоте, или...

— Не нужно было за мной ходить, – перебил он, но совсем не так резко, как я ожидала. – Ночью в низине опасно.

— А тебе не нужно было в одиночку тащить кабана с открытой раной, – возразила я. – Ты мог просто вернуться и позвать на помощь.

— И кого бы я позвал? — он чуть приподнял бровь. — Тебя?

— Хотя бы и меня, я бы прибежала.

Уголок его губ дрогнул, и он долго смотрел на меня, не отпуская моего запястья. Его большой палец едва заметно погладил тонкую кожу там, где бился пульс, и моё сердце забилося ещё чаще. Мне казалось, что он вот-вот скажет что-то важное, но он только разжал пальцы и отпустил мою руку.

— Иди спать, маленькая птичка, — тихо сказал он. — Завтра у тебя пир.

Я поднялась с колен, собрала окровавленные тряпки и вынесла их на улицу, а когда вернулась, Дариан уже лежал на своём одеяле у камина, отвернувшись к огню. Я задула свечи и забралась под одеяло, но сон не шёл.

Я лежала, глядя в потолок, и думала о ране, которой не было и двух месяцев. Кто-то совсем недавно стрелял в этого человека, а потом он пришёл в деревню, где его никто не знал, и сел у остывшего очага в доме покойной старухи, перед которой просил прощения по ночам. А ещё я думала о том, что завтра всё решится. Я обещала деревне пир, и у меня наконец было для него мясо. Оставалось только, чтобы люди пришли.

Глава 5

Я проснулась затемно от того, что Дариан возился у двери. В сером предрассветном свете было видно, как он, стиснув зубы, натягивает сапоги, придерживая левой рукой повязку на боку.

— Куда ты собрался? – я села на кровати, кутаясь в одеяло. – Тебе нужно лежать хотя бы до обеда.

— Яму надо разжечь сейчас, если хочешь, чтобы к полудню камни прогрелись, – ответил он, не оборачиваясь. – А тушу разделать, пока не рассвело и мухи не налетели.

Спорить с ним было бесполезно, это я уже успела понять, поэтому просто выбралась из-под одеяла и пошла следом. Утро выдалось студёным, трава под ногами хрустела от инея, и изо рта при каждом выдохе вырывались облачка пара. Я поёжилась, плотнее запахнула Ольдину шаль, которую нашла в сундуке, и вдруг остановилась у калитки.

На столбе, на том месте, где у хороших хозяев висит кринка для молока, болтался небольшой холщовый мешочек, перевязанный суровой ниткой. Я сняла его и развязала. Внутри была соль, крупная и сероватая, не меньше двух горстей, а сверху лежал сухой пучок лаврового листа.

— Кто это принёс? – спросила я, оглядывая пустую улицу, но там никого не было.

Дариан подошёл и заглянул мне через плечо.

— Мельничиха, – уверенно сказал он. – Вчера, когда мы тащили кабана, я видел у неё в окне свет до самой полуночи.

Я сжала мешочек в руках, и у меня защипало в глазах. Женщина, которая не разговаривала ни с кем с того дня, как забрали её сына, пришла ночью к ведьминому дому и оставила на столбе соль. Не было ни записки, ни слова, но мне и не нужно было слов.

Дариан тем временем натащил из-под навеса поленьев и сложил над камнями в яме высокий костёр. Растопку он делал из бересты и смолистых сосновых щепок, которые с вечера отколол от старого пня за сараем, и огонь занялся с первой же искры, с весёлым треском взбираясь по поленьям. Пламя быстро поднялось выше человеческого роста, и от ямы потянуло таким жаром, что пришлось отступить на несколько шагов.

— Поддерживать придётся до полудня, – сказал Дариан. – Камни должны раскалиться так, чтобы плевок шипел.

— Где ты этому научился?

— В походах, – коротко ответил он и направился к сараю.

Разделывать кабана мне раньше не доводилось, но с дедушкиных охотничьих рассказов я помнила, что дело это долгое и грязное. Дариан работал быстро и уверенно, но двигался осторожно, оберегая левый бок, и я старалась забирать у него всё, что было тяжелее ножа. Мясо мы резали на куски размером с кулак, кости откладывали отдельно, а сало среза-ли пластами и складывали в большой котёл, который я ещё

накануне вечером отыскала на кухне и отдраила песком.

— Сало зачем отдельно? – спросил Дариан, когда я поставила котёл на уличную печку.

— Перетоплю, – ответила я. – Зайчатина была постной, и кабанятина тоже не жирная. Если обмазать тыквы изнутри топлёным салом, мясо не пересохнет. А шкварки отдам детям, они их с солью за обе щеки уплетать будут.

— А остаток?

— Остаток солью в горшок и спрячу в погреб. Зимой без жира никуда, а покупать его не на что.

Дариан хмыкнул, но ничего не сказал, и я заметила, что он смотрит на меня с каким-то новым интересом.

Когда совсем рассвело, у калитки появился Тимка, а за ним вся вчерашняя ватага, да ещё двое незнакомых ребят-шек, которые жались к забору и с опаской косились на огромный костёр.

— Мы раньше пришли, – сообщил Тимка, протискиваясь во двор. – Тётка сказала, чтоб к обеду не ждала, раз уж мы тут при деле.

— Тётка так и сказала? – удивилась я.

— Ну, она сказала, чтоб мы под ногами у неё не путались, – честно признался он. – А это одно и то же. Ещё она вот чего велела передать.

Он протянул мне корзинку, накрытую тряпицей. Под тряпицей обнаружилась репа, мелкая и корявая, но крепкая, штук двадцать, не меньше, а сверху лежали три луковицы и

пучок сушёного укропа.

— Тётка сказала, раз уж ты всё одно задумала, так пушай хоть репа будет, а то тыква одна – пустота, – Тимка шмыгнул носом. – Только ты никому не рассказывай, что это от неё. Она шишко боится, что староста признает.

— Не скажу, – пообещала я, прижимая корзинку к груди. – Передай ей спасибо.

— Ага, – кивнул Тимка и тут же забыл про корзинку. – А это чё, кабан? Ух ты! Митька, гляди, кабанище какой! Это ж его твой мужик завалил?

— Он не мой мужик, – поспешно сказала я, и щёки у меня вспыхнули.

— Ну а чей тогда? – искренне удивился Тимка.

Дариан, который в это время срезал с кости очередной кусок, даже не поднял головы, но я увидела, как дрогнули уголки его губ.

Я быстро нашла детям работу. Митьку и Федьку отправила к Глиняному яру за свежей глиной, потому что вчерашняя за ночь подсохла и стала крошиться. Марыська с подружкой взялись чистить репу и лук, а Тимка вызвался следить за костром и подкладывать поленья, и делал это с таким важным видом, что никто не смел к нему подступиться. Двое новеньких, брат и сестра с одинаково соломенными вихрами, сначала стеснялись, но скоро пообвыклись и принялись помогать Марыське.

— А можжевельник у вас растёт где-нибудь поблизости?

— спросила я, перебирая травы, которые принёс Дариан.

— Эвон, за выгоном, на опушке, — тут же отозвалась Марыська, не отрываясь от репы. — Его там прорва. Мамка ягоды в квашню кладёт, когда капусту рубит.

— Сбегаешь, принесёшь горсточку ягод?

Марыська вскочила так быстро, что чуть не опрокинула корзинку, и умчалась за калитку, только косички мелькнули.

Пока дети носились туда-сюда, а сало в котле потихоньку перетапливалось, я занялась мясом. Сложила куски в самую большую миску, посыпала солью из мельничихино мешочка, добавила растёртый в ступке дикий чеснок, чабрец и лавровый лист, перемешала руками и накрыла холстиной. Ступку, к слову, я нашла не сразу: на кухне её не оказалось, и пришлось взять тяжёлый глиняный горшок с толстым дном, а вместо пестика приспособить гладкую скалку, которой Ольда, видимо, раскатывала тесто. Получилось ничуть не хуже.

Марыська вернулась с полным подолом можжевельных веточек, густо усыпанных сизыми ягодами, и я раздавила горсть ягод тем же горшком и тоже добавила к мясу. Можжевельник бабушка клала в дичь всегда, говорила, что он отбивает лесной дух и придаёт мясу особенную лёгкую горчинку.

К полудню всё было готово. Сало перетопилось, шкварки я выловила шумовкой, которую смастерил Дариан из старой дырявой миски, насадив её на палку, и рассыпала по тряпице остывать. Топлёный жир слила в глиняный горшок, а остаток оставила в котле, чтобы смазывать тыквы. Мясо пропи-

талось травами и солью, репа и лук были очищены и порезаны, а Митька с Федькой притащили две бадьи свежей, мокрой глины.

Мы начинили тыквы прямо у стены дома. Сначала я обмазывала каждую изнутри топлёным салом, потом укладывала слоями мясо, репу, лук, морковь и кусочки тыквенной мякоти, которую мы выскребли накануне, пересыпала травами и сверху добавляла ещё ложку сала. Дети подавали мне всё, что нужно, и следили за каждым моим движением, затаив дыхание.

Когда начинка доходила до самого верха, я закрывала тыкву её же срезанной верхушкой. Верхушки держались плохо и норовили соскользнуть, и тут на помощь пришёл Дариан. Он настрогал из сухой лучины десятка три тонких колышков с острыми концами и показал мне, как вогнать их наискосок через край крышки в стенку тыквы, чтобы она сидела намертво. Первые колышки ломались у меня в руках, но потом я приноровилась, а дети и вовсе стали делать это лучше меня.

— Ловко, – признала я, разглядывая закреплённую верхушку.

— В походе котелок не всегда под рукой, – ответил Дариан. – Приходится выдумывать.

Потом мы оборачивали тыквы широкими листьями лопуха, и Устя, которую Марыська привела с собой, следила, чтобы ни один листочек не остался неприлаженным. А сверху

обмазывали глиной в два пальца толщиной, тщательно заглаживая каждую трещинку мокрыми ладонями. Через час у стены дома выстроились двенадцать бурых глиняных шаров, и я стояла над ними, уперев руки в бока, с ног до головы в глине, и не могла сдержать улыбки.

— А это чего? — спросил Тимка, указывая на маленький глиняный комочек, приткнувшийся с краю.

— Это Устина тыковка, — ответила я. — Мы её вчера обмазали, а я сегодня утром начинила мясом и запекла в углях уличной печки. Если она получилась, значит, и большие получатся.

Все дети разом обступили маленький шар. Я взяла обух топора, легонько стукнула по глине, и она раскололась ровно надвое, обнажив почерневшие, скрученные от жара листья лопуха. Я развернула их, и из-под листьев показалась тыковка, румяная, с лопнувшей кожицей, из-под которой сочился прозрачный янтарный сок. Я подцепила ножом крышечку, и изнутри вырвалось облачко пара.

Мясо внутри получилось мягким и сочным, оно легко распадалось на волокна, пропитанное тыквенным соком и салом. Я разделила его на крошечные кусочки и раздала детям, оставив самый большой Усте. Малышка сунула кусочек в рот, зажмурилась и замерла, а потом открыла глаза и сказала с таким серьёзным видом, что все покатались со смеху:

— Ещё хочу. Вот столько.

И развела ручки в стороны так широко, как только могла.

Камни в яме раскалились к полудню, как и обещал Дариан. Он сгрёб жар в сторону длинной рогатиной, которую смастерил из молодой берёзки, расщепив её на конце и вставив в расщеп поперечную плашку, чтобы получилось что-то вроде грабеля. Плюнул на камень, и тот зашипел.

— Теперь быстро, – скомандовал он. – Пока жар не ушёл.

Тыквы были тяжёлыми, а глина делала их ещё тяжелее, и я не представляла, как мы опустим их в яму, не обжёгшись. Но и тут Дариан всё продумал заранее. Он отыскал в сарае старые вожжи, ссохшиеся от времени, но ещё крепкие, разрезал их на два длинных ремня и связал петлёй. Мы подводили петлю под тыкву, брались вдвоём за концы и опускали её на раскалённые камни, а потом выдёргивали ремень. Дети подкатывали следующую тыкву по доске, перекинутой от стены дома почти до самой ямы.

Когда все двенадцать шаров улеглись в яме вплотную друг к другу, Дариан рогатиной нагрёб на них угли и горячую золу, а сверху снова сложил костёр.

— Теперь поддерживать огонь до вечера, – сказал он, вытирая пот со лба тыльной стороной ладони. – Часов пять, не меньше.

Бабушка пекла такую тыкву в печи, на среднем жару, часа два с половиной, а под конец снимала крышку, чтобы мясо подрумянилось. Но в земле жар идёт медленнее и мягче, и я не спорила с Дарианом: лучше подождать лишний час, чем вытащить тыквы сырыми.

Я посмотрела на него и увидела, как он побледнел. Повязка на боку, кажется, не протекла, но он стоял, чуть ссутулившись, и дышал тяжелее, чем следовало бы.

— А теперь ты идёшь в дом и ложишься, — сказала я тоном, которым бабушка когда-то гоняла деда с огорода, если у него прихватывало спину. — За костром Тимка присмотрит.

— Я пригляжу, — тут же вскинулся Тимка. — Я умею, я всегда у тётки печь топлю.

Дариан посмотрел на него, потом на меня, и я приготовилась к спору. Но он только кивнул и ушёл в дом, и это напугало меня сильнее, чем если бы он стал упираться.

Оставшееся время ушло на то, чтобы придумать, где и на чём кормить гостей. Столов в доме нашлось всего два, и оба маленькие, а скамьи у стен были такими узкими, что на них едва поместился бы десяток человек. Я стояла посреди двора и растерянно оглядывалась, пока Митька, угрюмый мельников племянник, не подошёл ко мне и не сказал, глядя куда-то в сторону:

— У нас на свадьбах двери с петель сымают и на чурбаки кладут. Вот тебе и стол.

Я уставилась на него, а потом расхохоталась от облегчения.

— Митька, ты гений.

— Чего? — он нахмурился, явно подозревая подвох.

— Говорю, голова у тебя светлая, — поправила я. — Покажешь, как это делается?

Митька пожал плечами, но я видела, что он доволен. Мы сняли с петель дверь сарая и две двери из пустых комнат второго этажа, а потом, подумав, ещё и дверь в бывший курятник. Чурбаков после колки дров у Дариана набралось достаточно, и мы поставили их попарно, а сверху уложили двери. Вышло три длинных стола, кривоватых, но крепких. Вместо скамеек мы положили доски на перевёрнутые вёдра и бадьи, а для стариков вынесли из дома две лавки.

Скатертей в сундуках не нашлось, зато нашлись старые простыни, которые я расстелила поверх дверей, и столы сразу стали нарядными. Дети натаскали с опушки рябиновых веток с яркими гроздьями ягод и пучки пожелтевших берёзовых листьев, и я разложила их по столам. Посуды, конечно, на всю деревню не хватало, лакированных мисок было всего восемь.

— Не переживай, – сказал Тимка, когда я пожаловалась ему. – У нас на любое гулянье со своей ложкой ходят, а коли кто без миски придёт, так ему лопуха не жалко. Я всем сказал, чтоб миски несли.

— Всем? – переспросила я. – Это кому?

— Ну, всем, – он неопределённо махнул рукой в сторону деревни. – Кого видал, тому и сказал.

Солнце покатилося к закату. Костёр над ямой горел ровно и жарко, Тимка не отходил от него ни на шаг, а я каждые полчаса бегала в дом проверить, как там Дариан. Он спал, раскинувшись на кровати у камина, и во сне его лицо каза-

лось моложе и мягче, без привычной жёсткой складки между бровей.

Я как раз вышла от него, когда поняла, что во дворе стало слишком тихо. Дети, которые весь день носились, галдели и спорили, сбились в кучку у забора и смотрели на улицу. Улица была пуста. Ни одного взрослого, ни одной матери, ни одного любопытного соседа, только ветер гонял по лужам опавшие листья.

Я подошла к калитке и остановилась рядом с Тимкой. Где-то вдалеке хлопнула ставня, залаяла собака, и снова стало тихо.

— Придут, — сказал Тимка, но в его голосе не было прежней уверенности. — Только попозже. Взрослые завсегда попозжей приходят.

Я положила руку ему на плечо и ничего не сказала. До вечера оставалось совсем немного.

Первой пришла тётка Рафель. Она появилась из-за поворота, когда солнце уже касалось верхушек елей, и шла так решительно, что подол её юбки взлетал при каждом шаге. За ней гуськом тянулись трое старших ребятишек, которых я ещё не видела, а в руках она несла стопку глиняных мисок, перевязанных бечёвкой.

— Чего уставилась? — буркнула она, проходя мимо меня во двор. — Сказано было, со своей посудой приходить, вот я и принесла. Не на лопухах же моим есть.

— Спасибо вам за репу, — тихо сказала я.

— Какую ещё репу? – тётка Рафель метнула на Тимку такой взгляд, что тот втянул голову в плечи. – Никакой репы знать не знаю. Ну, показывай, где тут у тебя сесть можно, раз уж я пришла.

Я усадила её во главе среднего стола, на лавку, и она устроилась там, сложив руки на коленях и поджав губы, но я видела, как она украдкой разглядывает и рябиновые ветки на простынях, и двери вместо столов, и костёр над ямой.

Следом пришла Аграфель, румяная и громогласная, с рослым русоволосым парнем лет двадцати, в котором я сразу угадала её сына, вернувшегося с заработков. Парень нёс на плече бочонок, а сама Аграфель держала в руках узелок.

— Ну, здорово, ведьма, – пробасила она, остановившись у калитки и уперев руки в бока. – Пришла поглядеть, чем ты тут наших детей привадила. Рафель мне все уши прожужжала про твои семечки, а у меня внуков десятеро, им тоже интересно. И не зыркай так, помню я, что в грозу тебя со двора бесовкой погнала. Так ить ночь была да гроза, мало ли кто по дворам шастает, а нынче день. Стёпка, ставь бочонок вон туда. Это квас, – пояснила она мне, кивнув на бочонок. – Хлебный, на сухарях. А то у тебя, поди, и запить нечем.

— Спасибо, – растерянно проговорила я. – Я и правда не подумала про питьё.

— То-то и оно, что не подумала, – удовлетворённо кивнула Аграфель. – Молодая ишшо. Ну, где тут твой мужик, что кабана завалил? Охота мне на него поглядеть.

— Он отдыхает, — ответила я, чувствуя, как снова краснею. — И он не мой мужик.

— Ага, — протянула Аграфель с таким понимающим видом, что мне захотелось провалиться сквозь землю. — Не твой, как же. Ну, это дело ваше.

Она направилась к столам, а за ней потянулись её внуки, один за другим, и я сбилась со счёта на седьмом. Вслед за Аграфель во двор вошли ещё две женщины, которых я видела у колодца, потом старик с клюкой, которого вела под руку молоденькая внучка, потом семья с тремя малышами. Люди шли поодиночке и по двое, осторожно, оглядываясь на улицу, и каждый нёс в руках миску или горшок, а у мужчин за голенищами сапог торчали деревянные ложки.

К тому времени, когда солнце скрылось за лесом, во дворе собралось человек пятьдесят, не меньше. Это была не вся деревня, но и не горстка самых смелых, как я опасалась. Мужики толпились у забора, курили трубки и поглядывали на яму, бабы рассаживались за столами и шёпотом переговаривались, разглядывая всё вокруг, а дети носились между ними, и их звонкие голоса впервые за весь вечер разбили напряжённую тишину.

Дариан вышел из дома, когда я уже начала тревожиться, не пора ли его будить. Он переоделся в чистую рубаху, которую я нашла в Ольдином сундуке, и даже причесался, и шёл ровно, не придерживая бок. Только я одна знала, чего ему это стоило. Разговоры во дворе стихли, и десятки глаз

установились на него с опаской и любопытством.

— Это он, что ли, кабана добыл? – громко шепнул кто-то из мужиков.

— Он, – так же громко ответил Тимка. – Один на один, в низине за мельницей!

Дариан не обратил на это никакого внимания. Он подошёл к яме, отгрёб рогатиной прогоревшие угли и посмотрел на меня.

— Пора доставать, пока не остыли.

Я кивнула и подошла к нему. Сердце колотилось так, что я слышала его стук в ушах. Если тыквы не пропеклись или, наоборот, сгорели, если глина треснула и внутрь попала зола, если мясо пересохло или осталось сырым... Я не дала себе додумать и взялась за свой конец ремня.

Первую тыкву мы вытаскивали вдвоём с Дарианом, но она оказалась тяжелее, чем мы рассчитывали, и выскальзывала из петли. Тогда к яме шагнул сын Аграфели, Стёпка, отодвинул меня плечом и молча взялся за ремень вместо меня.

— Давай вместе, – коротко сказал он Дариану, и они вдвоём выволокли тыкву на край ямы.

Глиняный шар почернел и обуглился снаружи, по нему змеились трещины, а от самой глины шёл такой жар, что к ней невозможно было прикоснуться. Я взяла топор и ударила обухом по боку, и глина раскололась, осыпаясь кусками на землю. Под ней показались спёкшиеся лопушиные листья, а под ними тыква, золотисто-румяная, с лопнувшей в несколь-

ких местах кожей, сквозь которую сочился густой сок.

Двор затих. Я выдернула колышки, подцепила ножом вершушку и сняла её. Из тыквы поднялся столб пара, и на весь двор разнёсся запах мяса, томлённого с чабрецом и можжевельником. Мясо внутри потемнело и распадалось от одного прикосновения ложки, репа и лук пропитались соком и стали мягкими, а стенки тыквы изнутри разварились в нежную золотистую мякоть, которую можно было соскребать ложкой вместе с начинкой.

Я выдохнула: получилось.

Мы вытаскивали тыквы одну за другой, а мужики, которые до того стояли у забора, сами не заметили, как подошли ближе и стали помогать: кто держал ремень, кто подкатывал тыквы по доске к столам, кто откалывал глину. Скоро на каждом столе стояло по четыре дымящихся тыквы, и я пошла вдоль столов с большой деревянной ложкой, накладывая в протянутые миски мясо, овощи и золотистую мякоть.

Но никто не начинал есть. Люди держали миски в руках, смотрели на них, переглядывались и не решались поднести ложку ко рту. Я остановилась посреди двора с ложкой в руке и растерянно оглянулась на Дариана. Он стоял у ямы и смотрел не на столы, а на калитку.

У калитки стоял староста.

Он пришёл, как и обещал, не один: по бокам от него стояли двое здоровенных мужиков с дубинками за поясами. Сам староста опирался на свой резной посох и медленно обводил

взглядом двор, задерживаясь на каждом, кто сидел за столом. И под этим взглядом люди опускали головы.

— Гляжу, весело у вас, – протянул он, входя во двор. – Проводы, значит. Ну-ну. Только я что-то не вижу, чтобы кто уходить собирался. Котомок не вижу, телеги не вижу.

— Завтра третий день, – ответила я, выходя ему навстречу. – Сегодня я прощаюсь с деревней.

— Прощаешься, – повторил он и усмехнулся. – А деревня, гляжу, и рада прощаться. Ну, ешьте, ешьте, мне не жалко. Только я каждого запомню, кто тут ложку в рот сунул. И зимой, когда зерно в амбаре кончится, пушай ко мне не приходят. Я своё слово держу.

Над двором повисла тяжёлая тишина. Кто-то из женщин тихонько отставил миску на стол. Старик с клюкой опустил ложку. Мужик у дальнего стола поднялся и стал пятиться к калитке, не глядя на меня. Я стояла посреди двора и чувствовала, как всё, что мы с детьми строили два дня, рушится у меня на глазах.

И тут раздался громкий, сочный звук, который невозможно было спутать ни с чем другим. Тётка Рафель, сидевшая во главе среднего стола, поднесла ложку ко рту и с аппетитом зачмокала. Все обернулись к ней. Она спокойно прожевала, проглотила, зачерпнула ещё и снова отправила в рот.

— Рафель, – угрожающе произнёс староста.

— Ась? – она подняла на него невинный взгляд. – Ты чего, Ведмир, ты ешь, не стесняйся. Мясо мягкое, аж тает. Я

такого со свадьбы своей не пробовала.

— Ты слыхала, что я сказал?

— Слыхала, как не слыхать, — она зачерпнула ещё. — Зерна, значит, в долг не дашь. Так ты мне его и прошлой зимой не дал, когда Устя хворала. Сказал, что нету. А сам осенью три телеги в Баргейн свёз, я своими глазами видала. Чего мне теперь бояться-то?

Староста побагровел, но не успел ничего ответить, потому что с другого конца стола раздался громоподобный хохот Аграфели.

— Верно говоришь, Рафель! — она хлопнула ладонью по столу так, что подпрыгнули миски. — А я тебе, Ведмир, ишшо и вот что скажу. Мой Стёпка с заработков вернулся, деньгу привёз, нам твоё зерно без надобности. А ежели кто из моих соседей зимой оголодает, так я сама поделюсь, а к тебе на поклон не пойду. Ешьте, бабы! Чего уставились? Остынет — невкусно будет!

Она первая подала пример, и следом за ней, сначала робко, а потом всё смелее, застучали ложки. Старик с клюкой снова взялся за свою миску, мужик, пятившийся к калитке, вернулся на своё место и сделал вид, что никуда и не уходил. Женщины переглядывались, прятали улыбки и ели, а дети уплетали за обе щёки, уже ни на кого не оглядываясь.

Староста стоял посреди двора, и лицо его медленно наливалось кровью. Он открыл рот, закрыл его, потом снова открыл, но так ничего и не сказал. Резко развернулся и пошёл к

калитке, стуча посохом по земле. Один из его мужиков двинулся следом, а второй задержался, бросив тоскливый взгляд на ближайшую тыкву.

— Кузьма! — рявкнул староста, не оборачиваясь.

Кузьма вздохнул, потоптался на месте и вдруг решительно махнул рукой.

— Да ну его, — сказал он, ни к кому не обращаясь, и сел на край скамьи. — Хозяйка, а мне положишь?

Двор взорвался хохотом. Смеялись все, даже старик с клюкой, даже угрюмый Митька, и я смеялась вместе со всеми, накладывая Кузьме полную миску. Староста так и ушёл один, громко хлопнув калиткой.

Пир получился шумным и долгим. Дети, наевшись, носились по двору и визжали, а когда я вынесла им шкварки, рассыпанные по тряпице, налетели на них всей гурьбой. Мужики, распробовав мясо, без конца ходили к тыквам за добавкой, и Дариан, к моему удивлению, сам взялся раскладывать, и делал это с таким суровым видом, что никто не смел попросить больше, чем он клал. Аграфель разливала квас из бочонка, а Стёпка где-то раздобыл жалейку и заиграл на ней что-то протяжное и весёлое одновременно.

Когда стемнело, Дариан разжёл по краям двора несколько небольших костров, а у столов поставил в рогатины смолистые сосновые сучья, и они горели ярко и долго, разбрасывая вокруг себя искры. В этом неровном свете лица людей казались мягче и добрее, и я ходила между столами, подливала

квас, подкладывала мясо и слушала разговоры.

А разговоры текли сами собой. Старик с клюкой, которого все звали дедом Ермолой, рассказывал, как в молодости ходил с обозом до самого моря. Две женщины от колодца наперебой расспрашивали меня, как запекать тыкву с мясом, и я объясняла им про глину, про лопухи, про топлёное сало и про можжевельник, а они слушали, кивали и повторяли друг другу, чтобы не забыть. Тётка Рафель, раскрасневшаяся от кваса, призналась, что с тех пор, как муж её ушёл в солдаты, ни разу не сидела вот так, за общим столом, ни о чём не тревожась.

Я и сама не заметила, как оказалась рядом с высоким сутулым мужиком в припорошенной мукой рубаше. Он сидел на краю дальнего стола один, перед полной нетронутой миской, и смотрел на огонь.

— Вы не голодны? – спросила я, присаживаясь рядом.

Он поднял на меня глаза, и я узнала в них ту же пустоту, что видела накануне у мельничихи.

— Прохор я, мельник, – представился он. – Хозяйка моя соль тебе снесла. Видал я, как она ночью к твоей калитке ходила.

— Я знаю, – тихо ответила я. – Передайте ей, что эта соль спасла мне весь пир. Без неё ничего бы не вышло.

Прохор помолчал, вертя в пальцах ложку.

— Она с лета ни с кем словом не перемолвилась, – сказал он наконец. – С той ночи, как Яся забрали. А вчера тебя

увидала у запруды и вот... пошла. Сама. Я и не знал, что она ещё может.

Я ждала, не перебивая. Мне вдруг стало ясно, что он хочет рассказать, но не может начать, и я просто сидела рядом и молчала, глядя на огонь, как и он. И тогда он заговорил сам.

— Ясь у нас с малолетства во сне разговаривал, — глухо проговорил Прохор. — Мать его всё смеялась, что он с ангелами беседует. А в начале лета постучался к нам путник. Хорошо одетый, с конём. Попросился на ночь, мы и пустили, не звери же. Он у нас три дня жил, Ясю помогал мешки ворочать, всё про жизнь нашу расспрашивал. А потом уехал. И через неделю ночью приехали Тёмные плащи. Сказали, что донос на Яся пришёл. Будто он во сне со степными шаманами говорит и что они через него в деревню глаз запустили. Схватили его прямо с постели, в одной рубаше, и увезли.

— И куда же его увезли? — вырвалось у меня.

— В Баргейн, в острог, — Прохор опустил голову. — А куда опосля — кто ж нам скажет. Я дважды туда ходил, у ворот стоял, спрашивал. Говорят, нету такого, не значит. А мать его с тех пор молчит.

Я не знала, что сказать. Любые слова сейчас были бы пустыми, и я просто накрыла ладонью его большую, загрубевшую руку. Он вздрогнул, но руки не отнял.

— Вы потому и боитесь чужаков, — тихо сказала я.

— Потому, — кивнул он. — Ты уж не серчай, что гнали тебя. Мы не со зла, мы со страху.

Я почувствовала чей-то взгляд и обернулась. Дариан стоял в двух шагах от нас, у костра, и слушал. Лицо у него было каменным, а пальцы так стискивали деревянную ложку, которой он раскладывал мясо, что побелели костяшки.

— Тот путник, – сказал он, обращаясь к Прохору. – Как он выглядел?

Прохор нахмурился, припоминая.

— Молодой. Светлый. Говорил по-городскому, чисто. На руке перстень серебряный, с тёмным камнем. Я ещё подивился, чего такой с перстнем в наши края забрёл.

Дариан ничего не ответил. Он ещё какое-то время стоял неподвижно, глядя на огонь, а потом молча развернулся и ушёл к яме, где догорали угли. Я смотрела ему вслед и не понимала, что так задело его в этом рассказе, но чувствовала, что он узнал больше, чем сказал Прохор.

Расходиться начали за полночь. Женщины складывали в свои миски остатки мяса и тыквы, чтобы унести домой, и я сама подкладывала им побольше, а они благодарили меня, и в их голосах больше не было ни страха, ни подозрения. Аграфель на прощание обняла меня, крепко прижав к своей необъятной груди, и громко объявила на весь двор:

— Завтра сход соберём, бабы! Неча Ведмиру одному решать, кому в Ольдином доме жить!

— Соберём! – отозвались несколько голосов.

Последней уходила тётка Рафель. Она уже стояла у калитки со спящей Устей на руках, когда вдруг обернулась и ска-

зала мне, глядя куда-то в сторону:

— Ольда-то тоже пришедшая была. Лет двадцать назад пришла, никто не знал откуда. Тоже её гнали поначалу, а потом всей деревней к ней лечиться бегали.

И ушла, не дожидаясь ответа.

Сход собрался наутро у колодца. Я пришла туда вместе с Дарианом, и хотя он шёл рядом молча, его присутствие придавало мне уверенности. Народу собралось почти вдвое больше, чем было на пиру: пришли и те, кто вчера не решился переступить порог моего двора, и теперь они стояли поодаль, переминаясь с ноги на ногу.

Староста стоял на колодезном срубе, возвышаясь над толпой, и говорил долго и громко. Говорил о том, что дом Ольды общинный, что чужакам в деревне не место, что нынче такие времена, когда за каждого пришедшего Тёмные плащи с целой деревни спросят. Говорил о том, что я неведомо кто, неведомо откуда, и что медь у меня неведомо чья. Люди слушали, хмурились, но молчали.

А потом, когда он закончил, вперёд вышла Аграфель.

— Всё сказал, Ведмир? – спросила она. – Тогда я скажу. Дом Ольдин, твоя правда, общинный. Только общество – это не ты один. Девка эта второй день в деревне, а уже полдеревни накормила да детей наших к делу приставила. Ты за всё лето ни одного голодного не накормил. Пушай живёт. До весны, а там поглядим.

— А платить кто будет? – выкрикнул староста. – Дом-то

общинный, за постой платить положено!

— А и заплачу, — сказала я, выступая вперёд. — Назовите цену.

Староста прищурился, и я увидела, как в его маленьких глазках мелькнул расчёт.

— Пять медных эстолов за цикл, — выпалил он.

По толпе прокатился возмущённый ропот. Я понятия не имела, много это или мало, но по лицам людей поняла, что цена непомерная.

— Два, — твёрдо сказал мельник Прохор, выходя из-за спин. — Два эстола за цикл, и ни медяком больше. Ольда за свой дом и одного не платила.

— Два! — подхватила Аграфель. — И чтоб тыквы свои на праздник урожая всей деревне пекла!

Толпа одобрительно загудела, и я едва сдержала улыбку.

— Договорились, — сказала я. — Два эстола за цикл и тыквы на праздник урожая.

— А молчун? — не сдавался староста, ткнув посохом в сторону Дариана. — Его тоже оставите? Он-то кто таков?

Все обернулись к Дариану. Он стоял, скрестив руки на груди, и смотрел на старосту спокойно и холодно, и под этим взглядом староста невольно подался назад.

— Мужик рукастый, — подал голос Стёпка, сын Аграфели. — Кабана в одиночку завалил, да ещё и раненый. Таких в деревне не гонят.

— Пушай остаётся! — поддержала его тётка Рафель. — До

весны. А там видно будет.

Староста оглядел толпу, понял, что проиграл, и спустился с колодезного сруба. Проходя мимо меня, он чуть замедлил шаг и тихо, так, чтобы слышала только я, процедил сквозь зубы:

— Радуйся покуда. Только я ещё погляжу, откуда у тебя медь водится. Да и что вы в Ольдином доме сыщете. У ней, рассказывают, кой-чего припрятано было.

Он ушёл, а я осталась стоять у колодца, и холодок пробежал у меня по спине, несмотря на то, что вокруг меня смеялись, хлопали по плечу и звали заглядывать в гости.

Домой мы с Дарианом возвращались молча. Во дворе ещё стояли столы из дверей, в яме догорали последние угли, а на земле повсюду валялись осколки обожжённой глины. Я осталась посреди этого разгрома и вдруг поняла, что улыбаюсь.

— Ну вот, – сказала я. – Теперь мне придётся остаться до весны.

— Тебе придётся, – уточнил Дариан, глядя на дом.

— А тебе? – я повернулась к нему. – Сход разрешил и тебе остаться.

Он долго молчал. Над лесом кружила стая галок, и их крики разносились далеко по округе.

— Дороги просохнут через неделю, – наконец сказал он.

— И ты уйдёшь?

Дариан перевёл взгляд на меня, и в его тёмных глазах про-

мелькнуло что-то, чего я не смогла прочесть.

— Там посмотрим, – ответил он и пошёл снимать двери с чурбаков.

Глава 6

За неделю, что прошла после схода, деревня изменилась до неузнаваемости. Вернее, деревня осталась прежней, изменилось то, как она смотрела на меня.

Уже на следующий день после пира у моей калитки появилась тётка Рафель с лукошком яиц и, не здороваясь, сунула его мне в руки, сказав, что куры у неё нынче несутся сверх меры, и девать яйца некуда. Я знала, что это неправда, потому что Тимка накануне жаловался, что тёткины куры с лета не несутся вовсе, но спорить не стала. Взамен я отдала ей две тыквы и подробно, с ложкой в руке, показала, как запечь половинки в печи с салом и луком. Через день пришла соседка тётки Рафель, потом жена кузнеца, потом молоденькая вдова с другого конца улицы, и каждая приносила что-то своё: кто горшочек муки, кто пучок моркови, кто кусок старого холста на тряпки, а уносила тыкву и рецепт. Скоро у меня завелась мука, соль и даже десяток яиц, а по деревне потянуло печёной тыквой из каждой второй трубы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.